

Slav. Reser. a
05-165

КАМЧАДАЛКА.

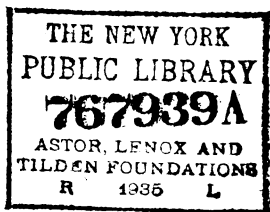
Соч. И. Калашникова.

ЧАСТЬ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО
КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ шпѣть, чшобы по напечатаніи, представлеиы
были въ Ценсурный Комитетъ шри экземпляра.
С. Пешербургъ, 24 Декабря 1832 года.

Ценсоръ П. Гасспій.

КАМЧАДАЛКА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Рис. 21 Jan. 1935

XV.

П р о щ а н и е.

Наступялъ Мартъ. Дни спавѣлились длиннѣе. Небо не заспиалось болѣе туманами, и солнце весело кашилось по чиспой лазури. Въ полдень начиналъ шаяшь снѣгъ, и по

скользкому *насту* (*), во времени ясныхъ и холодныхъ *утренниковъ*, Камчадалы и Русскіе промышленники разходились изъ Петропавловска на промыселъ. Казалось, весна была уже близка; но негостепримная Камчатская природа всегда долго спорить съ этою прекрасною, перелетною гостью изъ странъ Южныхъ. До самаго Іюня продолжается одна и та же Марповская погода, и уже въ началѣ только сего мѣсяца начинаютъ распускаться деревья.

Но есть мѣста въ Камчаткѣ, гдѣ и посреди повсемѣстной зимы, изумленный взоръ встрѣчаетъ какъ бы

(*) *Настоль* называется тонкой ледъ, образующейся надъ снѣгомъ, во время шалнѣ.

острова, еще не покоренныя ея владычеству. Сія спранныя мѣсна находятся близъ горячихъ водъ, коими Камчатка, сія вулканическая спрана, можно сказать, изобилуетъ. Земля около сихъ водъ, разогрѣваемая внутреннимъ огнемъ, сохраняя теплоту среди глубочайшей зимы, не терпитъ на себѣ печальнаго снѣжнаго покрова, и самая атмосфера сихъ мѣстъ, наполняемая теплыми парами, во время сильнѣйшихъ морозовъ, сохраняетъ качество, если не лѣта, по крайней мѣрѣ умѣренной осени. Особенно замѣчательно сіе необыкновенное явленіе на водахъ протекающихъ не въ дальнемъ разстояніи отъ *Большой рѣки*, близъ рѣчки *Шемеча*. Въ Мартѣ мѣсяцѣ, когда окрестныя долины и горы, покры-

пья глубокимъ снѣгомъ, представляющъ еще картину суровой зимы, на берегу сихъ водъ, составляющихъ большой ручей, впадающій въ Восточный океанъ, зеленѣется трава и даже разцвѣщаютъ цвѣты: это, какъ будто, родъ какой-то временной кварширы, на которой останавливается въ Камчаткѣ добрая весна, до окончанія своей борьбы съ угрюмою тамошнею природою.

Близъ сихъ водъ нѣкогда стоялъ небольшой, но опрятной домикъ, выстроенный для жилья Начальницы, всякую весну прїѣзжавшей сюда пользоваться водами, и особенно въ Мартъ мѣсяцъ, когда прелестная картина зелени услаждаетъ взоръ, упомянутый продолжительною зимою. Та-

кимъ образомъ она посѣпила сіи воды въ семь мѣсяць, по полученіи небольшого облегченія отъ болѣзни, упомянутой нами въ предъидущей главѣ.

Мужъ ея, прощаясь съ нею, оказалъ при семь елучаѣ знаки необыкновенной къ ней привязанности, даже на глазахъ его, говорящъ, видны были слѣды слезъ. Предоставляемъ Психологамъ объяснить загадку: что значили сіи слезы? Слѣдствіе ли величайшаго прищворства, или чудное дѣйствіе пробуждающейся на мгновение совѣсти, не могшей, однако жъ, побѣдить закоренѣлой власпи спрашней? Можетъ быть, слезы сіи текли по тому же неизъяснимому побужденію, по которому, на примѣръ,

Грозный Іоаннъ Васильевичъ разсы-
лалъ по монастырямъ синодики о
поминовеніи убіенныхъ имъ людей.
Многія явленія души челоѵческой
останулся навсегда тайною для са-
мой ея!

Не принимаясь за щепный прудъ
объяснять сіе неизъяснимое явленіе,
мы опишемъ только исторически
разговоръ Начальника съ его женою,
бывшій дня за два до ея отъѵзда. По
обыкновенію своему онъ сидѣлъ за
письменнымъ столомъ, когда она во-
шла къ нему въ кабинетъ. На столѣ
его лежала огромная библія, а на
конпorkѣ, единственной въ тогдаш-
нее время во всей Камчаткѣ мебели
краснаго дерева, завезенной Лаперу-
зомъ, спяло распятіе. Все въ

эпомъ кабинетъ дышало благоче-
стіемъ, кромѣ вѣроломной души хо-
зяина. При входѣ жены, женщины
еще среднихъ лѣтъ, и хотя изну-
ренной болѣзнію, но сохранившей
благородство и привлекательность
въ чертахъ лица и въ приемахъ, На-
чальникъ положилъ перо, и спарался
весело улыбнуться. Ксшани замѣ-
шимъ, что ни въ чемъ болѣе изъ
вѣлодвиженій не обнаруживается
душа, какъ въ улыбкѣ: есть улыбки
истинно ангельскія, улыбки, въ ко-
торыхъ вполне высказываются ду-
ши чистыя и свѣплыя; но есть и
улыбки дьявольскія, судорожное дви-
женіе души, исполненной злобы и
коварства, но старающейся принять
на себя видъ доброты и чистосер-
дечія. Такова была улыбка и Анюна

Григорьевича, которъй, по снран-
ному владычеству добродѣтели надъ
порокомъ, всегда сохранялъ къ женѣ
своей невольное уваженіе.

«Ну чпѳ, моя милая — спросилъ
онъ ее, спараясь придать своему го-
лосу самый ласковый тонъ — какъ
ны сладила съ эшими чудаками,
Машею и ея женихомъ?»

— Тупъ, другъ мой — отвѣчала
Начальница съ видомъ печальнымъ —
есть для меня непонятная шайва.
Ни шопъ, ни другой не открыва-
ютъ мнѣ причины ихъ раздора. Ма-
ша, сколько я ни спараясь ее уго-
варивать во всемъ мнѣ открыться,
шолько рыдаетъ, и проситъ меня:

»Ради Бога не спрашивайте меня; осшавыте меня моей судьбѣ!«

»Справное дѣло! — замѣнилъ Начальникъ, качая головою, и моргая глазами. — Ну, а что женихъ ся?»

— И онъ шакже не сказываешъ мнѣ ничего. Между шѣмъ ужасная горестъ видна на лицахъ обоихъ, и я даже боюсь, особенно за Машу, чтобы она не слегла

»Эхъ, мапушка! не бойся: не слѣжешъ! Это только минушнѣй какой нибудь капризъ, и всего вѣрнѣе, что когда ты возьмешъ ихъ съ собою: то и ссоръ конецъ!«

— Ахъ, если бы эпо въ самомъ дѣлѣ было такъ! Но я даже не знаю: удасься ли мнѣ уговорить Виктора Ивановича ѣхать со мною? Мученіе, какое, примѣтно, всегда онъ чувсвуетъ при встрѣчѣ съ Машинькою . . .

»Ничего! Надобно только поспараться, а то какъ не уговорить! Онъ же такъ, кажется, уважаетъ тебя.»

— Эпо правда! И признаюсь тебѣ, другъ мой, и мое сердце (сама не знаю почему!) такъ лежитъ къ этому молодому человѣку

»Ха, ха, ха! — засмѣялся Начальникъ, спараясь обратишь слова жены въ неблагоприспѣшную шушку. —

Дѣло самое естественное, что женщѣ
цинѣ нравится молодой»

— Другъ мой! — сказала Началь-
ница съ видомъ кропкого негодо-
ванія — теперь не время шумить
намъ. Мы теперь подобны путеше-
ственникамъ, которые, встрѣ-
пясь случайно на перекресткѣ, и-
дутъ въ разныя стороны, и можеть
быть, уже вѣчно не сойдутся

»Съ чего такія печальныя мысли,
матушка?»

— Съ чего бы они ни взялись въ
головѣ моей; но посвящимъ оспаль-
ныя минуты дѣлу, а не шумкѣ.
Ты перебилъ мою рѣчь: я хотѣла
сказать, что въ эпюмъ молодомъ

человѣкъ я какъ будто вижу моего Павла. . . .

»Эхъ, мапущка! тыг все не отспа-
ешь опъ мечпы . . . «

— Пуспы будепъ эпа самая вздор-
ная мечпа; но я нарочно пришла
просипъ пнебя: если не будепъ меня
на свѣпъ, то будъ покровипелемъ
эпаго юноши!

»Я всегда гоповъ ему покрови-
пелеспвовамъ; но. . . «

— Ахъ, другъ мой! я знаю все, я
знаю болъе, нежели ты думаешь:
спрашная бѣда гоповилса для эпаго
бѣднаго молодого чеповѣка; но ради
Бога, другъ мой! . . .

»Чего ты хочешь отъ меня?»

— Я хочу, чшобъ ты не губилъ его!
Къ несчастію нашему: Камчапка
уже наполнена людьми, копорые не-
навидящъ насъ, какъ своихъ успѣсни-
телей; для чего ты еще хочешь у-
множать число своихъ жершвъ и
враговъ?

»Спранная женщина! — вскри-
чалъ Начальникъ, пламенѣя отъ гнѣ-
ва, но стараясь удержатъ его спрем-
леніе — ты говоришь, Бсгъ знаетъ
что! Я нищу правосудія, справедли-
вости, казни виновныхъ, а она гово-
ритъ объ успѣсненіи, о жершвахъ!
Боже мой! Справедливо сказано: *и
враги челошъку домашніа его!*»

— Итътъ, другъ мой! — сказала жена его съ величайшею крошосцію, залившись слезами — я не врагъ твой! Я тебѣ говорю правду, копорой, распавшись со мною, ты болѣе не услышишь. Вспомни, что и нашъ сынъ, бытъ можеть, также, какъ и эпощъ юноша, гдѣ нибудь теперь живеть одинъ безъ друга и безъ покровителя; можеть бытъ, и онъ также нуждается въ помощи, безъ копорой погибнешь . . . Ахъ, я тебя просила за многихъ — ты не слушалъ меня; но теперь я со слезами умоляю тебя! Эпо, бытъ можеть, уже послѣдняя моя просьба!

»Ты такъ говоришь — сказалъ Начальникъ, показывая видъ, что онъ весьма пронулъ — что не поль-

ко меня, но и камень могла бы разжалобить. Признаюсь тебѣ: я не люблю послаблять строгости правосудія; но такъ и быть: для тебя, только, для тебя одной я приму все мѣры, чтобы спасти этого шалуна. Ты употребила слишкомъ сильное ересиво, напомнивъ мнѣ о сынѣ.... Охъ!»

Этотъ вздохъ вырвался изъ груди лицемѣра, можешь быть, и безъ малѣйшаго притворства: ибо природа и въ самыхъ ожесточенныхъ сердцахъ всупаетъ иногда въ права свои. Но это бывающъ только мгновенныя, такъ сказать, возмущенія постоянной спруи порока, которая послѣ того опять приходитъ

скоро въ прежнее печеніе. Такъ случилось и здѣсь. Вздохъ, произнесенный Начальникомъ, хоня былъ, вѣрояшо, и самый непришворный, но между пѣмъ послужилъ прекраснымъ переходомъ къ величайшему припворству. Сохраняя печальную мину, Начальникъ сказалъ: »Да, душинька! мы, кажешся, уже пошеряли его навсегда!«

— Нѣтъ; я все таки еще надѣюсь на Бога.

»Да, моя милая! надѣйся: эшо всего лучше! Но, кажешся, здѣсь намъ уже не увидѣть его! — Спорона опдаленная, малолюдная: какой слу-

чай можешь завести его сюда?»

— Ахъ, не говори объ этомъ! Мнѣ ужасно и подумаешь, что глаза мои не увидяшь его болѣе!

»Конечно, и мнѣ тоже спрашно это помыслишь; но какъ ни говори, а это шакъ! По этому-то я хошѣлъ шебѣ давно сказать«

— Что шаксе?»

»Да вопшь что! Ты возишь вездѣ съ собой назначенные для него билеты; боюсь я: неравень случай, шакъ, пожалуй, мошенники, оберуть, да и слѣда не найдешь!»

— Но вѣдь ты знаешь, что я дала обѣщаніе покойному своему отцу: сохранишь эту сумму для его внука . . .

»Сипранно мнѣ, мамушка, что ты до сихъ поръ не увѣрилась во мнѣ: уже ли я испрачу ихъ?«

— Нѣтъ; я не думаю этого; но онъ приказалъ мнѣ беречь ихъ, какъ зеницу ока, и я дала слово

»Но подумай сама: храни Боже, если что случится безъ меня (вѣдь, мы всѣ подъ Богомъ ходимъ!); такъ значить ли это, что ты исполнишь слово отца?«

— Ты говоришь правду; но дай же

миѣ обѣщаніе, что ты будешь хранить столь же щепетельно, какъ я, покуда

»Вопъ тебѣ порука!« (Начальникъ указалъ на распятіе).

— Хорошо, другъ мой, возьми ихъ: вопъ они! И когда ты будешь отдавать ихъ моему милому Павлу: по скажи ему, что я всегда носила ихъ на груди своей, какъ самое священное сокровище, попому что съ нами было соединено его имя; скажи ему, что мать его ждала свиданія съ нимъ, какъ единственнаго блага, и что если жалѣла о жизни, закрывая глаза на вѣкъ, по попому только, что ждала, и не дождалась его

Она не могла болѣе говорить, и горько зарыдала.

«Успокойся, другъ мой, успокойся! — говорилъ мужъ ея, казалось, съ непришворнымъ участіемъ. — Оспавимъ эпопѣй разговоръ, поговоримъ лучше о другомъ Ну какъ ты, кого рѣшилась взять съ собою для прислуги?»

— Ту женщину, которую рекомендовалъ мнѣ Викшоръ Ивановичъ

«Не совѣщывалъ бы я тебѣ — говорилъ Начальникъ, у котораго опять порочныя мысли взяли свое направленіе — не совѣщывалъ бы: эта женщина такъ мнѣ не нравишся! У ней такая наружность»

— Да, наружность ея, признаюсь, и мнѣ не нравится; но я рѣшилась побѣдить это ложное отвращеніе: я думаю только о томъ, что она, если не возьмъ ее, должна помереть съ голоду

»Эпо-по, правда! Конечно, ты дѣлаешь дѣло Христіанское: помогай другому всего лучше на свѣтъ; но «

— Нѣтъ; ужъ я рѣшилась

»Ну я не препятствую тебѣ; слѣдуй влеченію своего добраго сердца: оно тебя не обманетъ! Да я совѣщывалъ бы тебѣ еще взять Алекся: онъ почти необходимъ для тебя, по своему состоянію «

Начальница согласилась на это предложеніе, и наконецъ вышла изъ комнаты, а мужъ ея, положивши билеты въ конпорку, съ плутовскою усмѣшкою сказалъ про себя: »Ну Алёшка, работай, какъ умѣешь! Билетцы теперь у меня, и ты напрасно будешь грызть на нихъ зубы!«

XVI.

Н А Ч А Л Ь Н И Ц А .

Предсказаніе Антона Григорьевича не сбылось: сколько ни старалась Начальница, по приездѣ на воды, примирить нашихъ любовниковъ, доброе желаніе ея не имѣло успѣха. Мичманъ показывалъ къ Маріи, по

крайней мѣрѣ по наружности, величайшую холодность и даже презрѣніе. Марія чувствовала спрдааніе, неизъяснимое ни какими словами, рѣдко осушала глаза, и между шѣмъ не оправдывалась ни однимъ словомъ. Положеніе ихъ было для Начальницы самое таинственнее, самое мучительное для ея добраго сердца. Она даже была готова иногда сердиться на нихъ, не подозрѣвая, что только одно искреннее сожалѣніе и глубокое уваженіе къ ней налагало на нихъ молчаніе. Бывали случаи, что Марія, убѣждаемая ею то съ ласкою, то съ гнѣвомъ, рѣшалась было, наконецъ, раскрыть пагубную тайну; но, потомъ предсказавъ себѣ, что она своимъ признаніемъ можетъ убить и безъ того слабое здоровье своей

благодѣпельницы, вдругъ одумывалась и снова опредѣляла себя на спраданіе. Въ такомъ положеніи прошло около двухъ недѣль со времени пріѣзда ихъ на водѣ.

Между тѣмъ, по самой необходимости, Мицманъ и Марія были почти безпрестанно вмѣстѣ, сходясь у Начальницы. Въ одинъ вечеръ всѣ они шрое, сидя подлѣ окна, безмолвно смошрѣли на спранныю, почти волшебную карпину, раскинутую предъ ихъ глазами. На ближнемъ планѣ ландшафта извивалась чудная рѣчка, со своими цвѣшущими берегами; далѣе распилался безжизненный пологъ снѣга; попомъ возспавли дикія скалы, раздѣленные проваспями; и, наконецъ, взоръ упо-

цалъ въ безпредѣльности моря, глухо спознаваема въ отдаленности. И вся эта картина была подернута меланхолическимъ свѣтомъ сумерекъ, сквозь копорого начинали проглядывать звѣзды.

«Вотъ изображеніе нашей жизни!— сказала наконецъ Начальница, тяжело вздохнувши.— Эти цвѣтушія берега есть малой удѣль радости, достигающей насъ въ жизни, а потомъ пойдутъ препятствія, затрудненія, опасности, бѣдствія, и все оканчивается вѣчностію, въ копорой свѣтитъ намъ одна звѣзда вѣры и надежды.»

— Вы прекрасно объяснили— сказалъ Викторъ—аллегорическій смыслъ

эпаго ландшафта; но жизнь не всегда бываетъ ему подобна: бываютъ несчастные, которые не встрѣчаютъ въ жизни и эпою крапкой дорожки, устланной зеленью.

»Нуль! — возразила Начальница— чтобы человекъ никогда не встрѣчалъ пуня пріятнаго и цвѣтущаго: это почти не возможно, если только самъ онъ не собьется съ него, по слѣдамъ ложнаго опасенія, подозрѣнія и особенно по слѣдамъ спрассей и порока.»

— Боже мой!—сказалъ Мичманъ, бросивъ мгновенный взглядъ на Марию—какъ спрасси рано одолѣваютъ сердце, и какъ порокъ искусно

прикрывается иногда видомъ невинности!

При сихъ словахъ судорожный пререпетъ пробѣжалъ по членамъ Маріи.

»Викторъ Ивановичъ! — произнесла рѣшительнымъ тономъ Начальница, примѣпившая безпокойство Маріи — я не знаю: къ чему клонялся ваши слова; но если догадка моя справедлива, то я скажу вамъ рѣшительно: вы заблуждаетесь. Я сама воспитала этого Ангела (она взяла руку, сидѣвшей подлѣ нея Маріи), и ручаюсь за него моею жизнью!»

Слезы полились ручьями изъ глазъ

Маріи. Она бросилась въ объятія Начальницы, и рыдая, швердила: »Вы не ошиблись во мнѣ: я почно невинна!«

Трудно описатьъ, что чувствовалъ въ эту минуту Мичманъ. Спрашная буря подозрѣній кипѣла въ его душѣ; но она не могла попушишь неугасаемаго пламени первой любви, который потушается иногда только съ жизнію. Сей волшебный пламень, припаявающійся до времени, готовъ всегда вспыхнуть съ новою силою при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ. Такимъ образомъ, Мичманъ, пронутый слезами Маріи, едва не увлекся слѣпымъ движеніемъ своего сердца, и чуть не бросился въ ея объятія,

забывал на мгновение все прошедшее; но прошла минута восшорга—и снова суровый разумокъ обдалъ его своимъ хладомъ. Представьте себѣ вулканъ, у котораго на поверхности видны льдистыя лавины, а внутри kloкочуть раскаленные рѣки: вошь вѣрное изображеніе нашего спрадалъца въ сію минушу!

— Викторъ Ивановичъ! — повпорила Начальница, сжимая Марію въ своихъ объятіяхъ. — Удивляюсь, что вы еще можете сумнѣваться въ невинности эшаго чистаго существа!

»Ахъ сударыня! — воскликнулъ Мичманъ, выведенный словами Начальницы изъ состоянія забвенія, въ которое, наконецъ, погрузилась его ду-

ша, оглушенная бурною полпою разнородныхъ мыслей и чувствованій — я пожертвовала бы всею жизнію моею, если бы можно было»

— Да, если сердце ваше — перебила съ жаромъ Начальница — споль же благородно, какъ ваша наружность: то, судя по самому себѣ, вы не можете допускать и въ другомъ, особенно въ этомъ ребенкѣ, столько лицемерія и пришворства!

»О! если бы это было въ самомъ дѣлѣ такъ — сказалъ Мичманъ, глубоко вздохнувши; — но»

— Такъ, оправдайся же, другъ мой! — воскликнула Начальница, взявъ за руку плачущую Марію. — Оправдайся!

Раскрой мнѣ пвое сердце: ты знаешь какъ я люблю тебя, и какъ мнѣ мучительно видѣть пвое спраданіе. Расскажи мнѣ все, и если кто не повѣритъ словамъ твоимъ: тогдѣ никогда не былъ достоинъ руки твоей! . . . Ахъ, для чего ты еще упрямишься? Ты видишь: теперь или никогда! . . . Скажи, моя милая! Ты не можешь вообразишь, какъ пвое молчаніе раздираетъ мнѣ сердце . . . Ну, прошу тебя въ послѣдній разъ! . . . Ты видишь, какъ съ каждою минутою я приближаюсь къ концу; не ужели ты хочешь ускорить его?

»Я? Я хочу ускорить вашу смерть? . . . «

— Да, ты, потому что я такъ люблю васъ обоихъ . . .

»О Царь Небесный!«

— Ну скажи, моя милая; опъ твоихъ словъ зависишь твое собственное счастье!

»Нѣтъ; не могу! — вскричала Марія, ослабѣвъ и упавъ на спудъ. — Не могу! За всѣ блага въ мѣръ не могу сказать ничего въ мое оправданіе, кромѣ того, что я невинна!«

Начальница не сказала ей болѣе ни слова, отошла къ окну, и сѣвъ подлѣ него, устремила взоры на пустынные виды, передъ нею лежавшія, и погружилась въ глубокую задумчи-

вось. Долго продолжалось ни чѣмъ не нарушаемое молчаніе: ибо душа каждаго была погружена въ самага себя; наконецъ отворилась дверь, и женщина високаго роста, дикаго вида, словомъ, извѣстная Караулиха, выспаваясь до половины въ комнату, сказала шепотомъ: »Марья Алексѣевна! не угодно ли вамъ идти приготовить чай?« Марія, казалось, не слыхала сихъ словъ. Цыганка замолчала, окинула внимательными глазами группу, и видя, что никто не примѣчаетъ ея прихода, ужасно поспирѣла на сидѣвшихъ: этого адскаго взора, въ которомъ изображалась радость шугра, подкрадывающагося къ спящей жертвѣ ни какая кисть, ни перо представить не можетъ. Онъ.

былъ мгновенень, какъ молнія; и опять принявъ на себя смиренно-лукавый видъ, Цыганка повторила зовъ. Марія вздрогнула, какъ бы пробужденная отъ сна, вышла вслѣдъ за нею изъ комнацы, и возвратившись съ чашкою въ рукѣ, подошла къ Начальницѣ. Сія послѣдняя все еще сидѣла погруженная въ думу.

— Ольга Павловна! — сказала Марія, задыхаясь отъ слезъ—и вы прогибались на меня?

»Нѣтъ, моя милая! — отвѣчала Начальница, обратившись къ ней съ видомъ самымъ крошкимъ, но исполненнымъ горести, и взявши изъ рукъ ея чашку. — Я не сержусь, а

только жалю обоихъ васъ. Счастье ваше за вами гоняется: такъ вы бѣжите отъ него сами, потому что еще не знаете его цѣны; а если бы вы испытали то, что испыталъ я въ моей жизни! Боже мой!

— У всякаго довольно своей горести! — сказалъ Мичманъ, глубоко вздохнувши.

«Такъ! Но надобно различать существенную отъ случайной. Что можешь быть сладостнѣе въ жизни, какъ не исполненіе желаній первой любви? Вы могли бы вполне наслаждаться эпимъ благомъ, и не хотите»

— А вы? . . . но простите мнѣ эпитъ смѣлый вопросъ, который

гоповъ былъ сорванъ съ моего языка,

»Человѣкъ—сказала Начальница съ видомъ порожественности—споя на краю могилы, не долженъ бояться ложнаго спыда! . . . Дѣни мои! вы, можете быть, одни будете свидѣтелями моего послѣдняго вздоха, и вамъ я должна раскрыть мое сердце. Одинъ грѣхъ, который я понесу съ собою во гробъ есть . . . (Пусть, называющъ ее люди, какъ хопяпъ!) . . . есть любовь къ тому, кого я полюбила впервые . . . Ахъ, много лѣтъ пролетѣло послѣ него, но сердечная рана неизцѣльна! . . . Я была тогда, Машинька, въ свои лѣта, когда въ первый разъ увидѣла его. . . . Я не произнесу его имя: для васъ

оно одинъ звукъ. Солнце пакъ ярко горѣло. Иногда на небесахъ, день былъ такъ прекрасенъ: это было въ Маѣ мѣсяцъ, какъ теперь помню, въ праздникъ Троицы. Съ тѣхъ поръ я посвящала ему каждую минуцу, каждое мгновеніе: только объ немъ мечтала, имъ жила и дышала. Прошло три года, но наша любовь возростала съ каждымъ днемъ. Наконецъ, казалось, уже близко было время, когда должны были исполниться наши сладоснѣйшія надежды, и вдругъ въ это-то самое время буря разлучила насъ на вѣки. Отецъ мой — да проститъ Господь его слабосны! — прежде спарался оклеветать его въ моихъ глазахъ; но когда не успѣлъ въ хипроспи, то упошребилъ насиліе: увезъ меня изъ города, и принудилъ обру-

чаться съ другимъ . . . О Боже мой! какъ теперь помню это страшное мгновеніе, когда, возвратившись въ Иркутскъ, я пріѣхала съ опцемъ въ домъ Губернатора и сѣвъ за ужинъ, должна была снять съ руки обручальное кольцо, которе, переходя изъ рукъ въ руки, дошло наконецъ до него . . . Я не забуду никогда того взгляда, исполненнаго любви и укоризны, какой онъ бросилъ на меня въ это мгновеніе, съ пресметомъ оттолкнувъ опъ себя пагубное кольцо, и этошъ взглядъ, какъ молнія, убилъ навсегда счастье моей жизни! Однако жъ я должна была покориться необходимости, и сказавъ: »видно такъ угодно Богу!« несла свой жребій съ терпѣніемъ. Наконецъ у меня

родился сынъ: новое чувство пробудилось въ душѣ, и оно, замѣнивъ упраченную любовь, опять наполнило убійственную пустоту моего сердца. Я любила моего сына болѣе, гораздо болѣе, нежели себя: я готова была каждую минуту отдать за него свою жизнь, если бы то нужно было для его спасенія. Самый слабый признакъ болѣзни, малѣйшее степеніе его, раздирали мнѣ душу и повергали въ отчаяніе. Словомъ скажу: я жила на свѣтъ не для себя, а для него. И что же? знать, еще угодно было Творцу испытать мое терпѣніе!»

— Сынъ вашъ умеръ? — прервалъ ее Мичманъ.

»Лучше, если бы онъ умеръ! Ныпъ, онъ пропаль!«

— Какъ пропаль?—спросилъ Мичманъ съ величайшимъ безпокойствомъ.

»Да, пропаль!« — отвѣчала Начальница, упирая слезы, и поставивъ на окно выпитую чашку.

—Но расскажите, ради Бога!—говорилъ Мичманъ, трепеща всѣми членами—какъ это случилось?

»Мы тогда жили въ Петербургъ Этому исполнилось въ Юль прошедшаго года ровно двадцать лѣтъ, и сынъ мой былъ тогда по пятому году. Въ одинъ праздничный день Но что со мною? Боже

мой, свѣтъ темнѣетъ у меня въ глазахъ!»

Ахъ, говорите, заклинаю васъ Богомъ, говорите! — вскричалъ Мичманъ, совершенно въ помѣшательствѣ ума подбѣжавъ къ ней на помощь.—Еще хотя одно слово! . .

»Мнѣ душно! — шептала умирающая едва слышнымъ голосомъ.—Кровь застыла въ жилахъ . . . Простите!»

— Владыко! спаси ее! — воскликнула Марія, упавъ на колѣна передъ образомъ.

»Помогите, помогите! — кричалъ Мичманъ, поддерживая умирающую и не зная самъ, что дѣлать. — Помогите! Она умираетъ! Она . . .

О! это должно быть мать моя! Помогице!»

— Ядъ! Ядъ! — вскричала въ бѣшенствѣ, вбѣжавшая въ комнату Караулика. — Вотъ ядъ, который я нашла у ней подъ подушкой (она показала на Марію). Онъ долженъ быть въ чашкѣ. Такъ и ешь! Смотрише!

«О, Творецъ!» — воскликнула Марія, грянувшись на полъ.

— Червь, недостойной жизни! — возопилъ въ испугѣ. Мицманъ, бросившись къ Маріи, — Я распощу тебя!

«Берите его!» — вскричалъ, вбѣжавшій въ комнату съ полною ко-

заковъ Фельдшеръ, и остановивъ Мичмана. — Берите его! Я сей часъ получилъ предписаніе взять тебя подъ спражу, по дѣлу Тенявы. Тебѣ, видно, мало, что нынѣ еще одного убилъ . . .»

— Прочь разбойникъ!—вскрикнулъ громовымъ голосомъ Мичманъ, отбросивъ отъ себя Фельдшера, и занеся саблю себѣ на грудь. — Никто не мѣшай умереть мнѣ подлѣ шельмы моей мащери!

»Врешь! Она не мать швоя! — вскричала стоявшая подлѣ нее Цыганка, выхвативъ у него съ невѣроятною силою саблю. — Я швоя мащери!»

— Ты?

» Я! «

— Но кто же ты, несчастная?

» Узнай меня: я Марина! «

— Ты Марина! — вскричалъ Мичманъ съ величайшимъ изумленіемъ.

» Да, безумный! я Марина, мать твоя . . . «

— Злодѣйка! развѣ ты не сама призналась, что я не сынъ твой? Скажи мнѣ, если не хочешь, чтобы я задушилъ тебя своими руками: не она ли мать моя? — (онъ показавъ на шляпо Начальницы).

» Задуши, если хочешь быть

машереубійцею! Знай, неблагодарный, что хопя ты погубилъ меня, но я, для того только, чтобы тебя оставилъ въ счастіи, пожертвовала самымъ драгоценнымъ именемъ для людей, именемъ матери . . .»

— Ну да намъ слушать ваши рассказы некогда! После пополкуете о своемъ родствѣ! — вскричалъ съ неудовольствіемъ Фельдшеръ. — Ребятна, что стоите? Берите его!

Мичмакъ сползъ, какъ пораженный громомъ: ни чего не мысля, ни чего не понимая, и почти не чувствовалъ, какъ козакъ связали ему руки и вывели изъ комнаты,

— Ну-ка вставай и ты, голубуш-

ка! — сказалъ Фельдшеръ, подошедши къ Маріи, — полно прикидываешься! Ребяша, возьмише ее поже, да караульте, чшобы не смазала лыжи!

Послѣ сего Фельдшеръ, оставшись одинъ съ Цыганкою, сказалъ ей: »Ну заварили мы съ шобой кашу; какъ то приведется разхлебывать! Да чшо тебѣ, старая дура, вздумалось увѣрять его, чшо онъ швой сынъ?«

— Пошому, чшо онъ сынъ мой и естъ! — ошвѣчала съ злобою Цыганка.

»Полно, вѣдьма! Повѣрю я тебѣ!«

— Ты, повѣришь, мошенникъ, ког-

да я тебя хвачу эчимъ ножемъ! — вскричала Цыганка, схвативъ ножъ и кинувшись на Фельдшера, который съ ужасомъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Цыганка оспалась одна. Жертва ея мщенія лежала предъ нею, съ открытыми не подвижными, какъ бы изъ вѣчносипи смопрѣвшими глазами, едва освѣщенными мерцающимъ свѣтомъ Сѣвернаго сіянія. Цыганка подошла къ трупу; дико посмопрѣла ему въ глаза, закрыла ихъ, и приложивъ лѣвую руку къ сердцу умершей, а правою разводя по воздуху, и уподобляясь въ сію минуту болѣе адскому духу, блуждающему во мракѣ, невели существу шѣлесному, прошептала ужаснымъ голосомъ:

Чу! оно уже не бьется!
Кровь хладѣетъ и не льется!
Свѣтъ попухъ въ ея глазахъ!

О! хвала вамъ, Духи злые!
Въ эпихъ огненныхъ сполбахъ,
Ваши лики не земные,
Съ дикой радостью въ очахъ,

Вижу я. Простерли руки
Вы кровавыя ко мнѣ
Что же? Спрашны ль ваши муки?
Я ль боюсь горѣть въ огнѣ?

Ха, ха, ха! Я въ жизни знала
Муки адскихъ поспрашгѣй:
Я презрѣнне испытала
Отъ себя и отъ людей!

Но васъ, Духи, заклинаю
Спрашной кляпвою геены:
Я все въ жизни презираю;
Только мой обѣтъ священный
Довершишь мнѣ помогите!

Сокрушите, испребите
Родъ проклятый до конца!
Жажду мести ушолните
Кровью сына и опца!

И иногда поминь не спану
Вась безумною мольбой ;
Но безпреспетно предспану
Къ вамъ съ завѣшною душой!

XVII.

СЛѢДСТВІЕ.

Предписаніе о взятіи подъ стражу Мичмана было дано Начальникомъ, по случаю окончанія слѣдствія правдолюбивымъ Секретаремъ его Погремушкинымъ.

Погремушкинъ, началъ свои подви-
ги въ Кууюхченѣ шѣмъ, что велѣлъ
схватить, перевязать и посадить
подъ спражу Тоіона и все его семей-
ство, а самъ со своею свипною рас-
положился въ его юртѣ. Сей первый
подвигъ былъ возложенъ на Исправ-
ника Сумкина, который, по особен-
ной злости своей на Тоіона за из-
вѣстный подзапыльникъ, получен-
ный имъ отъ отца - Начальника,
постарался исполнить порученіе
Погремушкина съ величайшею поч-
ностію: спянулъ Тарею безъ малѣй-
шей жалости, и бросилъ въ холод-
ную юрпу. Два дня послѣ сего поч-
щенный Секретарь изволилъ прове-
сти въ отдыхѣ, послѣ дальней доро-
ги. Наконецъ началось слѣдствіе. Пер-

вый допросъ былъ сдѣланъ Тоюну. Не смотря на двудневной холодъ и голодь, Тарей шелъ твердо и отвѣчалъ смѣло, высказавъ подробности смерти Тенявы.

— Правду ли ты говоришь, спарикъ? — спросилъ Погремушкинъ голосомъ не столько суровымъ, сколько значительнымъ, съ важностию прибодрившись и протянувъ ноги по нарамъ.

»Правду, бачка! Изволь спросить другихъ.«

— И Протопопъ тебя не подучивалъ на буншъ?

»Нѣшъ, нѣшъ, бачка; не солгу
эшаго.«

— И съ Зудою не сговаривались
они дѣйствовашъ прошивъ Началь-
сшва?

»Ничего не слыхаль, бачка, хопъ
сейчасъ умереть.«

— А если мы приведемъ шебя къ
присягѣ?

»Что хошь, бачка, приказывай: все
радъ исполнить. Я говорю правду.«

— Хорошо. Подайте ружье
Вошъ, клянись надъ нимъ, что ты
не лжешь.

»Я сказалъ, что не лгу, бачка!«

— Клянись!

»Изволь, бачка, изволь! — говорилъ Камчадалъ, приспавивъ голову къ ружейному дулу. — Если я солгалъ хотя въ единомъ словѣ: по пущь эпо ружье раздробитъ мнѣ голову въ мелкіе иверенки; пущь не свижусь я болѣе ни съ женою, ни . . . «

— Довольно, спарикъ! — прервалъ съ злобою Погремушкинъ. — Я вижу что по время прошло, какъ клятва на васъ дѣйствовала; видно, теперь надобно средства другія . . .

»Съ позволенія вашего, Пепръ Федоровичъ! — провозгласилъ съ подъя-

*

ческими ужимками Сумкинъ. — Если
соблаговолите мнѣ поручить окон-
чить допросъ»

— Кто жъ вамъ мѣшаетъ? Тутъ вы
столько же обязаны заботиться,
сколько и я.

»Такъ по нашему вопшъ какъ: пле-
шей!»

— Изволь, бачка, съчь, сколько те-
бѣ угодно—говорилъ Камчадалъ, не
показавъ ни малѣйшаго признака сму-
щенія;—но я все таки сказать ина-
че не могу: Камчадалъ, бачка, лгашъ
не любитъ.

»Ладно! Мы посмотримъ! Раздѣ-
вайте его!»

Вытерпливая ужаснѣйшіе удары, опть кошорыхъ юрша обагрилась ручьями крови, Камчадалъ, закусивъ губы, не сказалъ ни слова. Наконецъ безуспѣшное испязаніе было кончено.

—Такъ выбросьте же его мошеника изъ юршы!—сказалъ съ досадою Сумкинъ.—Пусть околѣваетъ, когда не хочетъ сказать правды!

»Вы напрасно прибѣгли къ этой мѣрѣ—говорилъ правдолюбивый Погремушкинъ, принимая на себя неодобрительную мину. — Знаете, гораздо лучше бы обойшисъ«

—Помилуйте, Петръ Федоровичъ! Съ этими извергами какъ можно обойтись иначе? Вѣдь вы изволили

видѣть: сѣки его, а онъ все свое порешъ! Сущіе разбойники!

»Такъ, это правда, но я не люблю нарушенія законовъ, и скажу вамъ вешуля: я не желалъ бы, чѣобы при моихъ глазахъ«

—Эпо все можно сдѣлать! Поручите только мнѣ, такъ, надѣюсь, будете довольны. Я съ ихъ, мерзавцевъ, сдеру не одну шкуру. Вотъ еще жаль, чѣо шельма Зуда долго не ѣдешъ, а по съ него бы началъ, съ сшараго бесшн

»Ваша правда! Эпаго плута всего бы прежде допросилъ должно. Но мы еще успѣемъ все это обрабо-

нашь, если вы будете помогать мнѣ съ тѣмъ усердіемъ къ службѣ, какимъ вы всегда отличались. Ваша отличная ревность къ должности была давно извѣстна. Мой долгъ будетъ донести Начальству»

—Сдѣлайте милость, Пётръ Федоровичъ: не оспарывайте вашимъ заспунленіемъ. Доброе мнѣніе Начальства для меня всего драгоценнѣе; вѣдь, вы изволили знать: только изъ одной чести и бьюсь. Жалованье малое

»Это правда, Антропъ Спиридовичъ! И всё мы изъ чего служимъ, какъ»

—Ахъ, батюшка Пётръ Федоровичъ!

извините: совсѣмъ запамятовалъ. По прїѣздѣ нашемъ сюда нарочно я собралъ для вашей милости по собольку съ чловѣка, да по чернобуркѣ съ юрпѣ, да

»Вотъ это напрасно, Антропъ Спиридоновичъ! Вы знаете: я не люблю взяшокъ.»

—Да помилуйте: что же это за взяпки? Я единственно изъ моего усердія къ вамъ, а *доброхотнаго дателя*, вамъ извѣстно

»Ну, такъ и быть! Я оставляю все это покаместъ у себя, а потомъ постараюсь вамъ заплашить.»

—Очень хорошо, Петръ Федоровичъ!

Пусть хоть и такъ останется; еще успѣемъ разсчитаться, если Господь продлитъ вѣку; время не уйдетъ!

Между тѣмъ, какъ бесѣдовали такимъ образомъ сіи честные чиновники, изъ коихъ одинъ, хитрый мошенникъ, хопѣлъ, какъ говорится, загребать жаръ чужими руками, а другой, наглый подлець, гошовъ былъ рѣшительно на всѣ беззаконія, лишь бы угодить Начальству, — въ сіе время вокругъ несчастнаго Тоюна, окровавленнаго и брошеннаго близъ юрты, еобразась большая толпа жителей оспрожка. Камчадалы, какъ и всѣ почти дикіе, предпочитая смерть испязаніямъ тѣлеснымъ, смотрѣли на своего Начальника не столько съ

гореснію, какъ съ негодованіемъ, качали головами и перешейпывались.

— Чего вы ждете? — вскричалъ внезапно появившійся между ними молодой Камчадалъ, высокаго роста, плечистый, и по самому виду общавшій необыкновенную силу и проворство. — Чего вы ждете? И всѣмъ вамъ може будущъ! Коли Тоіона избил: что чего ждашь другимъ?

«А что, ребята? — говорили Камчадалы другъ другу. — Вѣдь Гапальчаго говоришь правду!»

— Эша правда — подхватилъ Гапальча съ яростію — лежишь у васъ предъ глазами. Если не хошите, чпобы и

всѣхъ васъ шакже измучили: то всѣ
за мной! Смерть разбойникамъ!

»Въ самомъ дѣлѣ, ребята — вскри-
чалъ кто-то изъ шолпы — пойдемъ
перережемъ ихъ, да и шабашь!«

— Пойдемъ, пойдемъ, ребята! — за-
кричали всѣ въ голось. — Принимай-
шесь за чекуши!

»Гг. слѣдователи! — вскричалъ про-
ворно спустившійся къ нимъ въ
юрпу Зуда, бывшій до сего времени
въ оплучкѣ изъ Кууюхчена — спа-
сайшесь: васъ хопяшь всѣхъ пере-
рѣзашь!«

— Какъ, кто? — воскликнулъ Погре-
мушкинъ, поблѣднѣвшій какъ полон-

но, но старавшійся сохранить неустрашимость духа, копорюю онъ любилъ хвастаться.—Кто это и какъ?

»Народъ взбунтовался.«

—Народъ взбунтовался!—повторилъ съ величайшею ,самою презрѣнною робостію Сумкинъ, у копорого зубы громко застучали другъ о друга.—Народъ взбунтовался, говоришь ты?

»Да, да, народъ! Спасайтесь, куда есть время, а то Но теперь все кончено! Всѣ мы погибли!«

Въ это время шумная, свирѣпая толпа Камчадаловъ, подъ предводительствомъ Гашальчи прибѣжала къ юрпѣ слѣдовавшей, съ кошоры-

ми вмѣстѣ находились и прѣбывавшіе съ ними пять человекъ козаковъ.

Покрывъ отверстіе юрты досками, Камчадалы кричали съ оспервененіемъ: »Попробуйте теперь выйши ошшуда, дьяволы; вы узнаете, каково обижать Камчадала!«

— Чшо намъ дѣлать теперь, Абрамъ Васильевичъ? — говорилъ Сумкинъ, едва выговаривая опъ спраха слова. — Будьте отецъ родной: научите!

»Знаете ли что я совѣпывалъ бы вамъ?« — опвѣчалъ Зуда, смопря съ чувспвомъ величайшаго презрѣнія на сего робкаго подмца, и не могли удержаться опъ насмѣшки.

— А что такое? Научите, ради Бога!

«Хорошо бы вы сделали, Антропъ Спиридоновичъ, если бы приказали также оподрапъ себя, какъ вы изсѣкли бѣднаго Тарею, и попомъ велѣли бы вынешь себя на показъ: я увѣренъ, что это средство»

— Боже мой, вы смѣшаетесь надъ нами, Абрамъ Васильевичъ! — говорилъ Погремушкинъ самымъ дружесшвеннымъ голосомъ, между шѣмъ, какъ во всякое другое время онъ былъ бы гошовъ опивѣчать на подобную обиду со всею дерзосцію провинціального временщика. — Можно ли шакъ поступать Хрисціанину, когда бы вы, можете бышь, могли

бы однимъ словомъ упишишь мя-
шежь?

»Помилуйше! — отвѣчалъ Зуда,
продолжая шонъ насмѣшки. — Вы,
будучи сполько лѣшъ при Началь-
никѣ, несравненно болѣе моего имѣли
случай пріобрѣспъ уваженіе Камчада-
ловъ вашими добрыми дѣлами; одно
ваше имя, кажется, должно бы быль
доспапочно къ шому, чшобы заспа-
вишь молчашь?»

— Эшо шакъ; но, признаюсь, я не
сполько счастливъ

»Да шупъ не нужно счастіе.
ГОСУДАРЫНЯ поручила учаспъ Кам-
чадаловъ вашему Начальнику, а вы его
правая рука: шакъ вы, конечно, спа-
рались вмѣспъ съ нимъ исполнить

ВОЛЮ МОНАРХИНИ: защищать невинныхъ, наказывать виновныхъ; пворить судъ по правдѣ; охранять вашу страну отъ грабительства взяточниковъ, мошенниковъ, кровопійць! . . .»

По мѣрѣ того, какъ Зуда, начинавшій говорить съ жаромъ, разгорячался, Погремушкинъ приходилъ въ прелесть. Глаза его усипремленные на Зуду, остановились. Блѣдное, посинѣлое лице изображало болѣе образъ мершвеца, возставшаго изъ гроба на гласъ спрашнаго суда, нежели живаго человѣка. И въ самомъ дѣлѣ въ словахъ Зуды, произносимыхъ въ то время, когда неизбежная смерть висѣла у него надъ головою, въ почномъ значеніи сего слова, онъ слышалъ, казалось

ему, начавшійся надъ нимъ грозный и неотвращимый судъ за гробомъ. Но слова Зуды были прерваны дикимъ крикомъ Гашальчи, который, не имѣя перифінія ждашь выхода своихъ жершвъ, сбросилъ доски, и закричалъ свирѣнымъ голосомъ: »Ну-ка выльзайте, проклятые! Намъ долго ждашь, пока вы шамъ сами переколѣше! Выльзайте, говорю вамъ, а не по мы и шупъ васъ всѣхъ переспрѣляемъ, какъ ушюкъ!»

—Погибли!—вскричалъ Погремушкинъ, упавъ на полъ, между шѣмъ какъ шоварищъ его давно уже сидѣлъ, забившись подъ нары, полумертвый ошъ спража.

»Таковы-шо всегда подлые люди!—

говори́лъ Зуда, глядя съ презрѣніемъ и жалоспію на обоихъ прусовъ.— Въ счаспіи они гоповы на все, а при малѣйшей опасности они совершенно теряю́тъ разсудокъ . . . А вы что, ребя́та!—продолжалъ онъ, обратившись къ козакамъ—уже ли и вы сробѣли?»

—Сробѣть не сробѣли, Абра́мъ Васи́льевичъ—опвѣчали козаки въ одинъ го́лосъ:—двухъ смершей не будетъ, а одной не миновашь; да, вѣдь, дѣлашь шупъ нечего. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаю́тъ!

»Нѣтъ, ребя́та: для Русскаго ни гдѣ воро́та не запершы. Смѣлосць города берешь. Не драшья умерешь,

и драшься умереть: такъ лучше попробуемъ счастья: авось!»

— Ты дѣло вздумалъ, Абрамъ Васильевичъ!—сказалъ одинъ изъ козакъ.—И точно! Ударимъ-ка на бурсурмановъ: авось!

— Ну, благослови Господи!—сказали козаки въ одинъ голосъ.—Чѣмъ бышь, тому не миновать. Ура!

Козаки, схвативъ ружья, бросились къ опверстію, но первый изъ нихъ, храбрый, опважившійся показаться изъ юрты, полетѣлъ внизъ съ разрубленною головою, сопровождаемый ужаснымъ хохотомъ Камчадаловъ, опдавшимся въ сердцѣ осажденныхъ, и вслѣдъ за нимъ влетѣло

Часть III.

4

въ юрпу нѣсколько стрѣлъ, отравленныхъ ядомъ. Всѣ они просвиспали поуспу, кромѣ одной; но эта одна похитила жершву, спойвшую многихъ: она ранила Зуду. Старецъ, не смопря на вѣрную смерть, сохранилъ однако жъ всю твердость духа, никогда его не оспавлявшую, и, опустившись на нары, еще ободрялъ козаковъ: »Друзья! не унывайше! Ваше спасеніе заключается въ одной вашей храбрости.« Но поощреніе его было щещино; страшный, зловѣщій голосъ Гапальчи опять раздался надъ юрпою:

»Ребяпа! пащине-ка болѣе хвороспа: зажжемъ его, да набросаемъ въ юрпу, а попомъ закроемъ ее:

пусть они издохнутъ въ ней, какъ черви.»

— Въ самомъ дѣлѣ, ребята—повторило множество голосовъ — припащимъ хвороста, да сморимъ всѣхъ ихъ шамъ чершей: что съ ними долго-то биться!

Скоро цѣлые груды горящаго хлама посыпались въ юрту. Ужасный удушающій дымъ быстро распространился по ней, похищая изъ виду осажденныхъ не только всѣ предметы, но и самихъ ихъ, другъ у друга. Наконецъ начало захватывать у нихъ дыханіе, и жизнь, такъ сказать, собралась въ груди, чтобы вылетѣть опшуда съ послѣднимъ

вздохомъ. Начался страшный споръ между бытіемъ и смертію, рѣшеніе котораго уже, можетъ быть, зависло отъ одной минуты. »Ну, товарищи! прощайте!—сказали козаки другъ другу. — Теперь конецъ нашъ насталь!»

Но въ сіе роковое мгновеніе вдругъ раздались выстрѣлы: разъ, два, три. Камчадалы склынули съ юрты, и проворная рука разбросала лежавшіе на ней доски. Дымъ повалилъ изъ нее столбомъ.

— Живы ли тамъ?—раздался сверху голосъ.

»Ни живы, ни мертвы!—отвѣчалъ одинъ изъ козаковъ, пробираясь ощупью къ отверстію.

—Выходите проворнѣе: Камчадаловъ мы всѣхъ прогнали.

»Ба, это ты, Паршинъ! Да какими, братъ, судьбами ты подоспѣлъ къ намъ на выручку? Вѣдь насъ, окаянные, совсѣмъ было прокопшили, словно юколу.«

—Да, братъ, кабы не прилетѣлъ къ намъ на верховой посланный отъ Зуды: то, вѣрно, попали бы вы на закуску къ курносой.

»А вы развѣ недалеко гдѣ были?«

—Да я вошь съ командою посланъ изъ Большерѣцка на Лопатку, да оспановился было на дневку на рѣч-

къ *Кыяхту*, отсюда верстахъ въ
пятнадцать

Въ продолженіе сего разговора вы-
шли и прочіе чепьре козака, про-
пирая глаза и едва переводя духъ.

— Да гдѣ же ваши Начальники? —
спросилъ Паршинъ.

»Кто ихъ знаетъ: живы ли они?
Вопь дай перевести духъ, такъ пой-
демъ и ихъ обыскивать.«

Первый изъ обысканныхъ былъ
Погремушкинъ. Не вснавая съ пола,
онъ сѣлъ, и, посмотрѣвъ мутными,
мрачными глазами вокругъ себя, про-
щепталъ: »еще ли я живъ?« Между
тѣмъ козаки обыскали и Сумкина.

— Ваше Благородіе! — сказалъ одинъ изъ нихъ. — Извольте ставать: опасность 'прошла.

»Рѣжь меня, коли хочешь: не вспаву!« — прошепталъ Сумкинъ дрожа ошъ страху.

— Извольте встать, Ваше Благородіе! Вѣдь мы козаки, а не Камчадалы: они всѣ ужъ разбѣжались.

»Разбѣжались? — вскричалъ Сумкинъ, вскочивъ на ноги. — Разбѣжались? а Зуда?«

— А онъ вошъ здѣсь.

»Такъ пы здѣсь еще, мошенникъ!

Возьмите его, свяжите! Разбойникъ!
онъ вздумалъ смѣяться надъ чинов-
никами!

—А я долженъ доложить Вашему
Благородію—сказалъ Паршинъ—что
если бы не ~~Абрамъ~~ Васильевичъ: то
вамъ бы смерть неминучая . . .

»Это почему?«

Паршинъ повторилъ сказанное ко-
заку.

»Пустяки! это только одинъ оп-
водъ! Исполняйте, что приказыва-
ютъ. Возьмите его, свяжите крѣп-
че, да приготовьте«

»Помилуйте Ваше Благородіе! —

сказаль Паршинъ съ твердостью
— что его вязать? Онъ уже умираетъ»

— Все равно! — кричалъ Сумкинъ. —
Все равно! Вязите его!

»Нѣтъ, воля ваша: не можемъ!»

Такимъ образомъ, не слушая
безумныхъ и злоспныхъ приказаній,
козакъ стояли вокругъ умирающаго
Зуды безъ всякаго дѣйствія, смотря на
него съ видомъ величайшаго участія.

»Друзья мои! — сказалъ Зуда, какъ
бы проснувшись отъ глубокаго сна,
и почувствовавъ какую-то необыкновенную
легкость, которая бы-

ваешь всегда вѣрнымъ предвѣстникомъ исхода жизни, также блестящей на мгновение предъ своимъ концемъ, какъ блестящъ иногда попухающій свѣшльникъ. — Друзья мои! не откажитесь исполнить просьбу челоѣка умирающаго: вынесите меня опсуда.»

— Извольте, батюшка Абрамъ Васильевичъ, — говорилъ Паршинъ! какъ старшій изъ козаковъ. — Съ охотою исполнимъ ваше желаніе: вѣдь мы не бусурмане какіе, чіпобы видѣли васъ въ такомъ положеніи, да еще бы не пожалѣли и не послушались.

Козаки вынесли его изъ юрпы и положили близъ оной на разоспанныя

оленьи кожи. Погремушкинъ и Сумкинъ также вышли изъ юрты и на лицѣ перваго была написана самая черная дума. Они спали поодаль. Зуда лежалъ на холмѣ, съ котораго было видно вдали море, съ закапывавшимся въ бездны его дневнымъ свѣпломъ. Умирающій сдѣлалъ послѣднее усиліе, приподнялъ нѣсколько голову и уныло, подобно опходящему съ родины путешественнику, посмотрѣвъ на море и на солнце, произнесъ тихимъ прощальнымъ голосомъ: »О ты, неугасающее, вѣчно юное свѣпило! погрузясь въ эти синія бездны, ты опять взойдешь завтра съ прежнею красою и величіемъ, но я уже не увижу болѣе твоего восхода! . . . И погрузившись навсегда въ бездну вѣчности,

сохраню ли мое эфемерное бытіе?
О сколько разъ ты заставало меня
посреди этихъ печальныхъ пустынь
въ слезахъ и горесипи! И для
чего суждено было мнѣ видѣть, какъ,
оживляемое своими лучами, все швореніе
дышало радоспю, величіемъ,
между шѣмъ, какъ я одинъ скорбѣлъ
безъ ушѣшенія и безъ надежды? Для
того ли, чшобы, означивъ бытіе
свое на земли однимъ сшраданіемъ,
я потомъ исчезъ навсегда?
Сильное волненіе души изобразилось
на лицѣ сшрадальца. Проведя жизнь
въ шщетныхъ изысканіяхъ разума,
онъ напрасно искалъ въ немъ ушѣ-
шенія при дверяхъ гроба: ибо шупь
нѣмѣетъ всякая человѣческая муд-
росшь, и вѣщаетъ одна Вѣра. При-

мѣрно упомлевный мучительными сомнѣніями, несчастный опять склонилъ голову на поспель, и закрылъ глаза.

— Тише, тише!—говорили тихомолкомъ козаки другъ другу, снявъ шапки и набожно крестясь.—Не помѣшайте: онъ спходитъ!

Но умирающій еще взглянулъ, и, сдѣлавъ едва примѣтный жестъ рукою, сказалъ козакамъ, чуть чуть слышимымъ голосомъ: »Друзья мои! . . . если будете въ Петропавловекъ . . . скажите Ивашкину, что объ немъ одномъ я пожалѣлъ при концѣ моей жизни . . . ибо свѣтъ сей для меня давно былъ чуждъ! . . . Прощайте!»

Онъ опять закрылъ глаза, и уже не открывалъ болѣе.

—Ну, слава Богу, кажется, комедія кончилась! — сказалъ глупый и безчувственный Сумкинъ, обращаясь подлою улыбкою къ Погремущкину.

»Да, кончилась! — отвѣчалъ холодно сей послѣдній, мрачно нахмуривъ брови. — Но какъ тебѣ привидеися намъ самимъ се разыгрывать!«

Между тѣмъ козакъ начали уже рыть могилу. Опусшивъ въ нее умершаго, они прочитали надъ нимъ короткую молитву, и общая всѣмъ мать тихо приняла спавшика на свое лоно. Скудный деревянный крес-

ликъ, наскоро связанный ремнемъ, въсколькo времени стоялъ надъ сею уединенною могилою, а попомъ въ-перъ уронилъ его, холмикъ могильный изгладился, и не оспалось ни малѣйшаго слѣда, что былъ чело-вѣкъ, кромѣ однихъ пуспыхъ зву-ковъ преданія.

XVIII.

П Р Е С Л Я Д О В А Н І Е.

Камчадалы, испуганные прибытіемъ козацкой команды, забравъ женъ и дѣтей своихъ, убѣжали въ горы.

Сомникъ Паршинъ, получивъ опгь

Погремушкина приказаніе: иди за ними въ погоню, произведь прежде самый тщательный обыскъ во всѣхъ юрсахъ, въ надеждѣ: не опыщентъ ли кого, кто могъ бы дать ему свѣдѣніе, въ какихъ мѣстахъ надлежало искать бѣглецовъ. Обыскъ былъ удаченъ: найдена въ одной юрствѣ, спрятавшаяся за *чирель* большая и дряхлая шаруха. Выпавши въ нее ошшуда, козакъ, не столько съ дѣйствительными, сколько съ притворными угрозами, началъ ее расспрашивать; но Камчадалка, прикинувшись нѣмою, не говорила ни слова.

»Ну, видно, нечего дѣлать съ побою, старая корга! — сказалъ прикинувшись разсердившійся Паршинъ — какъ раскрась побольше огня, да...

Говори же! Чпо въ самомъ дѣлѣ?
Долго ли будемъ съ тобою бипься?
Ну-ка, ребляша, принимайпесь: взва-
липе ее на очагъ! Видно, у ней
языкъ-то примерзъ, шакъ опогрѣшь
надобно!»

— Скажу, скажу бачка! — завопи-
ла старуха, повидимому спрусившая,
когда козакн схватили ее, дѣлая видъ
чпо хопляшь шащипъ на огонь.

»Давно бы шакъ! Ну, сказывай же
проворнѣе! Не говорили ли иногда ва-
ши старики, *что грезятся имъ во снѣ*
мертвые, и не пѣдили ли въ гости
въ дальнiе острожки (*)?»

(*) Въ старину оба сіи случая были вѣрными
предвѣстниками бунта.

— Нѣтъ; бачка, этого не слыхала, хопъ сейчасъ издохнушь?

»А вѣрно, знаешь, въ копорую сторону сговорились бѣжать бунтовщики?«

— Про это мелькомъ слышала.

»Куда же они побѣжали?«

— А вопъ, бачка: подите вы все вверхъ по *Нынгуу*, и дойдете вы до двухъ горъ, одна изъ нихъ называется *Олгазинъ*, по вашему, бачка, это значить: *лѣсъ валить*, попому что, какъ говорятъ спарики, на этомъ де мѣстѣ . . .

»Ну, да полно околесицу-по мо-

ЛОПЬ: ЧПО: НАМЪ ЗА НУЖДА ДО ВАШИХЪ
ВОБАСЕНОКЪ? СКАЗЫВАЙ ДЪЛО!»

— Хорошо, бачка, хорошо! — опвѣ-
чала Камчадалка, выпаскивая непри-
мѣтнымъ образомъ съ пояса у себя
ножь. — Такъ вошь и подите вы
къ эшимъ горамъ. Одна изъ нихъ, я
сказывала ужъ вамъ, *Омгазинъ*, а
другая *Саану*, по вашему: *кормовая*,
потому что-де говорятъ сшарики,
на этой горѣ . . .

»Опять за поже! — вскричалъ
Паршинъ. — Да чпо, въ самомъ дѣлѣ?
Знашь, пы морочить насъ хочешь?
Ребяша! тащиге ее на огонь?»

— Врете! Камчадалка умѣетъ уме-
реть опъ своей руки! — вскричала

старуха, и въ то же мгновеніе черкнула себя ножемъ по горлу, и упала безъ дыханія.

»Экое чѣршово племя! — сказалъ Паршинъ, качая головою. — Имъ зарѣзашь себя, словно выиить рюмку вина. Нечего дѣлать, ребята: пойдемше на авось. Можесть бысть и сами ошыщемъ слѣды! Да гдѣ у насъ Пронька Труниловъ, безшабашная голова?»

И по гдѣ-то не видно его! — говорили козаки. — Смоцпри, что, ребята, онъ пошелъ слѣдити за Камчадалами!

»Да и вѣдомо, что такъ!« — под-

хвaпилъ спустившійся въ юрпу молодой и бравый козакъ.

— Гдѣ ты это слонялся? — спросилъ его Паршинъ.

»Да гдѣ слонялся-то? Слѣдилъ за этими черпями . . .«

— Ну такъ и ешь! — перебили козаки. — Мы угадали . . . Ай-да, безшабашная голова! Одинъ за сомнею погнался!

»Такъ мнѣ какая надобность, что ихъ сонилъ! Хошь бы ихъ двѣ было: смѣлымъ Богъ владѣеть! Я по думалъ, что-де неравно вздумаешь Начальникъ посылать за ними погоню, такъ было бы вѣдомо куда идти . . .«

— Да, спасибо, братъ Пронча — говорилъ Паршинъ.— Ты это хорошо вздумалъ А что они не примѣтили тебя?

»Нѣтъ; не могъ скрыться; увидѣли, кашпоржные, да и погнались было; однако я не сробѣлъ: одного изъ нихъ срѣзалъ изъ винтовки, а прочіе спрятались.«

— Жаль, что они увидѣли тебя: теперь они скроются въ такія щучобы, что ихъ и самъ доршъ не найдетъ! . . . А въ которую же сторону они пошли?

»Да сперва они шли вверхъ по *Нынгу*, а потомъ не доходя до перваго поворота, свернули налѣво

вгору, а шупь ужъ я и бросилъ ихъ.

— Такъ, видно старуха — сказала Паршинъ — говорила правду. Ну съ Богомъ! — Теряшь время нечего: пойдёмте къ *Олгазину*. Я догадываюсь, гдѣ шеперь должны бытъ бунтовщики.

Козаки отправились въ погоню въ числѣ пятнадцати человекъ, между тѣмъ, какъ бѣглыхъ, однихъ мужчинъ, было около пятидесяти; но такъ завоевана вся Сибирь: вездѣ горсть Русскихъ сражалась съ тысячами, и побѣждала. Сверхъ сего и самый шупь, по которому надлежало проходить нашимъ храбрецамъ, былъ чрезвычайно шрудный и опасный.

Быстрая рѣчка, во многихъ мѣстахъ, отъ пробивавшихся по берегамъ ея ключей, нѣ была покрыта льдомъ, и потому, проходя между утесами, должно было кое-какъ лѣпиться съ величайшею опасностію, на скользкихъ и узкихъ закраинахъ.

»Ну, чоршово же только это мѣстечко!—сказалъ Паршинъ.—Смотри Ванюха, не оборвись: что ропь-то разинулъ на утесы? Обрушишься, такъ утащитъ какъ разъ подъ ледъ, и молишвы сошворить не успеешь! Видишь, рѣчка, словно конюль кипитъ.»

—Не бось, Лука Фаденчъ, не обрушусь!—отвѣчалъ козакъ.

»Только скользко же, парень, пробираться!—замыпилъ другой.—Того и смопри, что сотворишь *кувыръ-коллегию.*«

—Да! — говорилъ претій — за утпесъ зубами не ухвапишься: не рѣпа!

»Экая, Господи, машина выросла!—продолжалъ претій.—Такъ въ небо и упираешся!«

— Да и на той-шо вонъ споронѣ, братъ, не поддастся этому! — замыпилъ четвертый.

»Словно въ какой въ шрубѣ идемъ! —присовокупилъ пятый.—Ужъ подлинно небо съ овчинку кажешся! И

звѣздъ-шо почти не видашь: первѳй,
другой обчелся!»

— Да нечего сказать, брашъ! — го-
вориль шеспой. — Не для людей эша
дорога построена; шолько чершямъ
по ней и ходить!

»Ну, шеперь, недалеко, ребяша! —
сказаль Паршинъ. — Вонъ ужъ и ко-
нецъ, а шамъ и поворошъ на лѣво.»

— Слава-ше, Христе! выбрались! —
провозгласили всѣ козаки въ одинъ
голосъ.

Въ семь мѣсшъ ушесы разошлись
въ разныя спороны, преврашившись
въ обыкновенныя горы, и соединив-
шись съ другими хребтами. Козаки,

пройдя около двухъ верстъ равниною, поросшею кустарникомъ, едва, впрочемъ, выспавлявшимся изъ подъ снѣга, наконецъ достигли до хребта, черезъ который надлежало имъ перебраться. Предъ ними лежала высокая и крупная гора, обнаженная отъ лѣса и покрытая скользкимъ настомъ, блиставшимъ, какъ хрусталь, при лучахъ мѣсяца.

— Ну, ребята, какъ-нибудь мы взойдемъ на эту лежанку! — сказалъ Паршинъ, по обычаю Русскихъ, сохраняя веселость духа и шупливость въ величайшихъ трудностяхъ и опасностяхъ. — И не поплена, да жжешся!

»А вошь какъ, Лука Фаденчъ!« — подхватили безшабашная голова, про-

ворно бросившись къ горѣ, и начавъ подниматься на нее.

—Проворень больно! — говорили спарослуживые. — Не взойди внизъ головой!

Въ самомъ дѣлѣ, удалый козакъ сколько не употреблялъ усилій; но взойдя не болѣе прехъ сажень, оборвался и скапился съ горы. Общій смѣхъ козаковъ раздался съ его паденіемъ.

—Что, братъ—говорили козаки— знашь, удалъ да безпаланень?

»Погоди-те еще, не смѣйшесь! Дайте только подвязать щипы подъ

лапки (*), шакъ взойду и не на ша-
кую гору.»

— Молоденекъ, брагъ шы, Пронча!
— сказалъ одинъ изъ опытныхъ ко-
заковъ.— Если бы слушалъ, кшо те-
бя побольше служивалъ и бывалъ, какъ
говорится, и подъ конемъ и на конѣ:
шакъ не лепалъ бы, брагъ, по
шюленьи, внизъ головой!

»Вопъ еще! Учишь вздумалъ!«

— Учишь не учу, а дѣло всегда
скажу. Видишь ли, вонъ на горѣ: какъ
будто поднимается вихорь, и замѣ-
шаетъ свѣгъ?

»Вижу. Такъ чпо за бѣда?«

(*) Лапки—родъ лыжъ.

— Воптъ вишь: ты еще и не знаешь этого. Попробуй-ка взойши шеперь на гору: такъ шебя и унесетъ съ нее въ шар-шарары, такъ что и косшей не соберешь!

»Отъ чего такъ?«

— Да оптъ того, что хопъ шеперь здѣсь и шихо, а тамъ, поди-ка, такой *хиусъ*, что и на ^{ногахъ} не устопишь.

»Э, чѣмъ пугашь вздумалъ! Снесетъ, такъ шуда и дорога: была не была! Два вѣка не проживешь! А коли далъ Царю присягу служишь вѣрой и правдой, не жалѣя крови, такъ ужъ шущъ думаешь нечего! Благослови-ка, Лука Фадеичъ!«

—Съ Богомъ, съ Богомъ, братъ Проконпій! — провозгласилъ Паршинъ, смонрѣвшій съ восторгомъ на удалъство Трунилова, и выжидавшій полько времени, чптобы поджечь соребнованіе и въ прочихъ своихъ подчиненныхъ.

»Экая озоръ! — говорили козакн, смонрѣя съ удивленіемъ на поднимавшагося быстро Безшабаннаго. — Смонрѣя, какъ чешептъ!»

— Да, чешептъ! — подхвапиль одинъ изъ нихъ. — А вонъ поѣхаль назадъ . . . ну, не бывапъ живу!

»Ну, совсѣмъ обрушился! — вскрикнули козакн съ чувствомъ жалоспн. — За камень шо ухапнсь! . . Ахъ шпъ,

Господи! . . . За кусшарникъ-то, за кусшарникъ-то! . . . Лови! Вошь шакъ! Ай-да, молодець!»

—Смотри-ка, какъ пошелъ опять опшваливать!—сказалъ Наршинъ.

»Вошь ужъ не далеко и до вершины!«—подхватилъ одинъ изъ козакъ, по вѣкошоромъ молчаніи.

—Смотри, что доберется!—прибавилъ другой.—Теперь ужъ много, что сажень съ десятокъ осталось.

»Ну, взошелъ!—провозгласили козаки въ одинъ голосъ. — Ай-да, опшчайный!«

— Ребята! — воскликнул Паршинъ — стыдно же намъ, спарымъ служивымъ, оспаваться здѣсь, чшобъ эшопъ молокососъ послѣ надъ нами смѣялся. Ну, ребята, подвязывай щипы, да всѣ за мной!

Козаки начали подниматься на гору, и по мѣрѣ шого, какъ они всходили выше и выше, вѣпръ, почти нечувствительный въ долинѣ, спановился поспепенно сильнѣе, и на вершинѣ горы превратился почти въ бурю, копорой спремительныя порывы могли сбить съ ногъ, и упацишь ошлошного въ страшную падь, опдѣлявшую сию гору отъ противоположнаго утеса, еще и надъ нею возвышавшагося.

—Я сказалъ—говорилъ козакъ, дававший совѣтъ Трунилову—что на вершинѣ буря: шеперь видите, что моя правда!

»Ребята!—возгласилъ Паршинъ—ползкомъ, если не хотите прогуляться въ падѣ: въперъ какъ разъ съ ногъ срѣжетъ, а гора, смотришь, словно *кога* (*), опрокинутая вверхъ *днищемъ*: припулишься не куда!»

—Тише!—прошепталъ лежавшій на горѣ Труниловъ.

»Что такое?» — спросилъ поднявшійся на гору Паршинъ.

(*) Коча — судно.

—А вонъ смюпри-ка, на ушесь . . .
Видишь, вонъ въ этомъ уступѣ, какъ
будно огонекъ просвѣчиваетъ между
камней? . . . Вѣдь, знашь шущь кшо
нибудь есть?

»Да кому бытъ, кромѣ эшихъ чер-
тей Камчадаловъ? Слышишь: собаки
завыли?»

—Да, это точно вой не въпра!
А смюприте-ка, кажись человекъ по-
казался на уступѣ?

»Человѣкъ, точно человекъ!—ска-
зали въ одинъ голосъ нѣсколько ко-
заковъ.—Ахъ, онъ дьяволъ! Смюпри,
что онъ насъ увидѣлъ: вѣдь у нихъ
глаза-по нечеловѣчьи; къ тому же

солнышко-шо наше не въ добрый часъ вздумало на насъ свѣспить: такъ насъ имъ, какъ на зеркаль видно!»

— Увидѣль и еспь! — подхватили другіе. — Кажись, машеть рукой? . . Экъ ихъ высыпало изъ норы! . . . Чшо эшо? Смотри: чшо принимающся за стрѣлы!

»Пусть ихъ потѣщася! — сказалъ хладнокровно Паршинъ. Я увѣренъ, чшо ни одна стрѣла не попадетъ въ насъ.»

Множество стрѣлъ взвилось въ воздухъ, но всѣ онѣ, опшесенныя вѣтромъ, дѣйствительно упали далеко въ спору. Онѣ своей дѣли, а многія и вс-

все не долетѣли до горы.

— Теперь, ребята! — провозгласилъ Паршинъ — наша очередь! Ну-ка посмотримъ, что вѣрше: пуля или стрѣла?

Грохотъ ружей раздался по горамъ. По смященію, оказавшемуся въ полѣ Камчадаловъ, можно было примѣтить, что выстрѣлы не были совершенно потеряны. Казалось, они что-то схватили и скрылись иные въ пещеру, иные за огромные *кекуры*(*), чернѣвшіеся на утесѣ.

— Теперь ихъ отсюда не выживешь! — сказалъ Паршинъ. — Дѣ-

(*) *Кекуръ* — каменный столбъ.

лашь другого нечего, какъ вошь чпо: я возьму съ собой тебя, Пронча, да еще васъ, ребята! (онъ указалъ на самыхъ удалыхъ осьмерыхъ козаковъ.) Спустимся въ падь, обойдемъ по ней утешь и поднимемъ на него съ другой стороны. Тамъ, знашь, опложиспѣ, что Камчадалы могли взобраться. Поднявшись же на вершину, намъ ужъ не прудно будетъ спуститься къ нимъ на уступъ. Спадемъ на нихъ, какъ снѣгъ на голову! Поняли вы меня, ребята?

— Какъ не понять? Ты, Лука Фаденчъ, худо не выдумаешь! — говорили козаки въ одинъ голосъ съ примыпнымъ удовольспвиемъ, особенно Безшабашный.

»А вы — продолжалъ Паршинъ, обращаясь къ остальнымъ козакамъ— оставайтесь здѣсь, и если кто выйдеть изъ нихъ, шакъ- того и баць изъ ружья.

Сдѣлавъ се распоряженіе, Паршинъ, съ отобранными удалцами, началъ спускаться ползкомъ на другую сторону горы, по кепорой, въ нѣкопоромъ разстояніи отъ вершины показывался мелкой попольникъ, мало по малу увеличивавшійся и превращившійся, во глубину, пади, въ густой лѣсъ (*). Но добравшись, до спуска, покрыпаго лѣсомъ, по скользко-

(*) Топольникъ и липнякъ есть единственнй лѣсъ, изъ котораго строятъ въ Камчаткѣ дома и суда; но послѣдній растетъ только во

му и крутому скакуну, не лъзя было иначе, особенно по причинѣ бури, какъ ползкомъ, почти внизъ головой. Само собою разумѣется, что такое путешествованіе имѣло величайшихъ усилій и чрезвычайной осторожности. Нѣкоторые изъ козаковъ совсѣмъ выбились изъ силъ, и одинъ изъ нихъ, не смотря на явную опасность, рѣшился вспашь на ноги.

— Нѣтъ, не могу! — вскричалъ онъ. — Успалъ хуже собаки!

»Что ты это дѣлаешь, сумасшедшій?« — сказала Паршинъ съ чувствомъ страха и негодованія.

внутренности сей земли, по рѣкѣ Камчаткѣ. Сосны, которыми прочая часть Сибири такъ изобилуетъ, здѣсь нѣтъ совсѣмъ.

— Не могу, Лука Фадичъ, какъ хочешь: изъ мочи выбился!

Но едва козакъ успѣлъ сіе выговорить, какъ сильный порывъ вѣтра пощипалъ его по скапу, потомъ сбиль съ ногъ, и бѣднякъ, разбитый и окровавленный, спремительно покачившись внизъ, напрасно старался схватиться руками за гладкой и скользкой наспъ, и вскорѣ исчезъ изъ глазъ изумленныхъ и устрашенныхъ товарищей.

— Ну, бѣдняга! — сказали съ сожалѣніемъ козаки --- вѣрно, ужъ живъ не будетъ!

»Самъ виноватъ! — подхватилъ

Паршинъ. — Я говорилъ, что нельзя вставать . . . Чу! Выстрѣлъ!»

— Это, знать, ружье само выпалило! — замѣнили козакѣ.

»А слышите ли — сказалъ Паршинъ — какъ опять завыли собаки? Смощри, что Камчадалы опять высыпають!»

Въ самомъ дѣлѣ Камчадалы опять вышли изъ пещеры, и увидѣвъ спускавшихся въ падъ своихъ непріятелей, проворно прикапили общими силами къ краю утеса преогромный камень, и дождавшись ихъ спуска, съ величайшимъ крикомъ свалили его

внизъ. Ужасный громъ и прескъ дерева, сокрушенныхъ сброшеною массою, раздался въ нади; за нимъ слѣдовали ударъ другою, трептій, четвертый, между которыми разсыпались выстрѣлы изъ ружей — и пушья, можетъ быть, опть созданія міра споявшая въ невозмущаеомъ безмолвіи и оглашенная сими мяшежными звуками, казалось, изъясляла евою скорбь въ дикихъ и пропляжныхъ вопляхъ свирѣпствовавшей бури.

Не смотря на непрерывное паденіе камней, козаки шли бодро и смѣло, и при паденіи каждаго камня, еще острились на счетъ своихъ непріятелей. Но чинобы совершить обходъ, имъ надлежало употребить не

мало времени, въ продолженіе копорого Камчадалы, не сомнѣваясь въ намѣреніи козаковъ, положили, по общему совѣту: Гапальчъ, какъ смѣлому и удалому воину, съ отборными товарищами, идти на отбой при-супа, а менѣе отважнымъ осна-ваться въ спановищѣ, и въ случаѣ разби-тія Гапальчи, рѣшились на послѣднюю мѣру: *достать подъ себя постелю*, лишь бы только не до-спались живыми въ руки супоста-повъ. Гапальча и товарищи его, отпра-вляясь на смертную битву, весело простились со своими женами и дѣтьми, и закинувъ за плеча *сай-даки* (*), пошли бодро съ пѣсней без-надежной отваги:

(*) Лукы.

Не ползи змѣй изъ темныя дубравы:
Не заспанешь насъ въ расплохъ, козакъ лукавый!
Мы съ тобой шеперь въ послѣдніе сразимся:
Лучше стибнемъ, а живые не дадимся!

* * *

Нужды пѣшь, что злобный Капна шебъ слу-
жипъ:
Камчадалъ въ бѣдѣ не плачешъ и не шужипъ!
Онъ умѣшъ, презирая учашъ злую,
Подоспашъ себѣ пошелю кроваую!

Внимая сему опчаянному пѣвию,
оспавшіеся въ спановищѣ Камчадалы
смопрѣли на удаляющихся съ какимъ-
то дикимъ безмолвіемъ: ни у кого ни
слеза не выступила изъ глазъ, ни
воплъ, ни вздохъ не выдепалъ изъ
груди. Таково чудное человѣколюбіе
природы! Она положила извѣспный
предѣль, до котораго бѣдспвія еще
чувспвипельны человѣку, но далѣе
онаго ни умъ не въ состояніи жи-

во представитъ себѣ огромность бѣды, ни сердце чувствовать ея приближеніе: тогда несчастіе, превысившее положенную мѣру, измѣняетъ свое свойство, и принимаетъ характеръ спокойствія. Здѣсь-то начинается опчаянная радость, верхъ человѣческаго злополучія!

Впрочемъ, Камчадаламъ не трудно было защищиться отъ нападенія козаковъ; ибо подъемъ, подлежавшій симъ послѣднимъ, хопя и былъ возможенъ, но сопряженъ съ величайшими затрудненіями: имъ надлежало кой-какъ пробираться по скользкому наспу между выспавлявшихся изъ крушаго и бездѣснаго скапа огромныхъ камней, уподоблявшихся по

чрезвычайной вышиной своей, почти скаламъ.

Камчадалы спустившись съ вершины горы до половины ея и основившись на одной изъ таковыхъ скалъ, ожидали козаковъ гоповые къ сопропивленію.

Первый шелъ Паршинъ. Едва онъ, сопровождаемый своею командою, поднялся на нѣсколько сажень, какъ страшный величины камень полетѣлъ съ горы и непременно бы раздробилъ и Паршина и предшаго по слѣдамъ его Безшабашнаго, если бы, по счастью ихъ, ударившись о край скалы, надъ ними висѣвшей, не перелетѣлъ чрезъ ихъ голову.

»Ребяша! — вскричалъ Паршинъ — проворнѣе на скалу, да хватимъ оштуда изъ винповокъ: вѣрно, черпи разбѣгутся при первомъ выспрѣлѣ.«

Проворно взобравшись на скалу, козаки увидѣли надъ собою Камчадаловъ, опять гоповящихся свалишь также огромный камень. »Спрѣлай!« — вскричалъ Паршинъ. Пули со свистомъ понеслись съ камня на камень, и сшибли сверху двухъ Камчадаловъ, спремглавъ полетѣвшихъ внизъ. Товарищи ихъ сробѣли и бросились на гору; одинъ Гапальча, удалый и опчальный, оспался на мѣстѣ, и употребивъ гигантскія усилія, сбросилъ до половины нависнувшій внизъ осколокъ ушеса. Низвергнушая громада, запрыгавъ съ камня на камень,

наконецъ грянулась на вершину скалы, на которой спюли Паршинъ и Безшабашный, едва успѣвшіе опскочить при семь паденіи, и попомъ пронеслась въ прущобу, наполняя пущыню прескомъ деревъ и грохотомъ паденія. Послѣ сего, не упомимый и разъяренный Гапальча еще хотѣлъ въ третій разъ употребить то же губительное средство; но козакъ, быстро поднявшись къ тому мѣсту, гдѣ спюль онъ, на небольшой каменной площадкѣ, не дали ему исполнить сего намѣренія. Начался смертный бой. Гапальча, схвативъ копье, направилъ его противъ Паршина, занесшаго руку на площадку, дабы на нее взобратъ; но неустрашимый и проворный попомокъ желѣзнаго

племени, схвативъ копье и крѣпко держась за него, вскочилъ такимъ образомъ, съ невольною помощію самаго непріятеля, на площадку, и нанесъ ему ужасный ударъ саблею. Гатальча успѣлъ однако жъ опть него нѣсколько уклониться, и получивъ рану шолько вскользь по рукѣ, схватилъ козака за грудь, и вонзилъ ему въ бокъ смертоносную чекушу, съ ужаснымъ крикомъ: »Пропaday врагъ!« Но въ то же мгновение и самъ вкусилъ смерть: Безшабашный, съ быспрошою сокола, вскочивъ за Паршинымъ, ударилъ Камчадала прикладомъ по головѣ, и опважный дикарь, послѣдняя отпрысль славнаго Шантала, превозносимаго въ Камчадальскихъ сагахъ, кончилъ свои опчаянные подвиги. Ошуманенный ударомъ, онъ

качнулся въ сторону, не выпуспивъ, однако жъ, изъ рукъ своей жерпвы, какъ бы по невольному, судорожному движенію, и съ повпореннымъ ударомъ, покапился вмѣстѣ съ нею въ пропасть, означая свой пупъ кровавою полосою. Смерть сихъ воиновъ произвела совершенно различныя чувствованія въ сражающихся: Камчадалы вовсе поперяли духъ, а Русскіе, по чудной доблести нашего народа, съ увеличившеюся опасностію при поперѣ Начальника, еще болѣе ободрились, совершенно позабыли сами себя, и дружно кинулись на гору, презирая летящіе на нихъ сверху камни и стрѣлы, и не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Это швердое, безмолвное презрѣніе смерти, эта стихійная, не

человѣческая храбрость, совершенно обезумила Камчадаловъ: пораженные болѣе нравственно, нежели физически, они не были въ состояніи долѣе сопротивляться, не смотря на превосходство своего ни числа, ни положенія, и съ опчаяннымъ воплемъ бросились на вершину горы, дабы потомъ сбѣжать на уступъ, въ свое становище. Козаки также вбѣжали на гору вслѣдъ за ними, и схватили съ плечъ ружья; поже самое сдѣлали и товарищи ихъ, оставшіеся на противоположной горѣ, и увидѣвши ихъ появленіе; но тѣ и другіе, приложившись къ ружьямъ, внезапно основались въ семь положеніи, пораженные ужасомъ и изумленіемъ. Предъ ними открылась страшная, раздирающая сердце картина. Каждый изъ Кам-

чадаловъ, схвативъ свою жену, или сына, или дочь, и занеся надъ ними ножъ, ожидалъ только перваго знака отъ споявшаго между ними съ бубномъ Шамана, чтобы поразить ихъ прямо въ сердце. Шаманъ, находившійся въ какомъ-то безумномъ, дикомъ испугеніи, наконецъ сверкнулъ кровавыми глазами, ударилъ въ бубень — и ножи разомъ мелькнули, озаренные краснымъ пламенемъ зари: ужасный, удушающій, но мгновенный вопль раздался въ воздухъ; кровь хлынула ручьями съ утеса!

Козаки, сколько ни были неустрашимы въ битвахъ, но при семъ ужасномъ зрѣлищѣ невольно запристѣпали. Безшабашный, первый, выйдя изъ состоянія изумленія, бро-

сился было, чтобы остановить сіе варварское торжество; но не успѣлъ: жертвы покапались по утесу, а потомъ и сами убійцы съ крикомъ неизъяснимаго, дикаго, но опчаянно-радостнаго испупленія, взмахнувъ сверху руками, какъ бы въ знакъ преданія себя волю Высшаго Духа, бросились все разомъ съ утеса, и только одинъ Шаманъ полу-больной и полу-безумный, не боясь и не понимая человѣческаго мщенія, оспался отъ всего племени, какъ обломокъ отъ разбитаго бурей корабля, и какъ привидѣніе чернѣлъ на утесѣ при первыхъ лучахъ восходившаго солнца. Козаки не сочли нужнымъ вести его съ собою, и, удалясь съ мѣсна побоища, долго слышали его бубень и безумные крики, коими онъ про-

вожалъ, казалось, души своихъ родовичей въ безвѣстное владычество *Гаега*. Наконецъ бубень умолкъ, и въ пустынь, на минуточку возмущенной буйными существами, злоспивно и безумно оппнимающими другъ у друга и безъ того крапковременное бытіе, опять воцарилось вѣчное и невозмущаемое безмолвіе!

По возвращеніи козаковъ въ опустѣвшій Кууюхчень, Погремушкинъ пришелъ въ большое затрудненіе, не зная, какъ и что написать о слѣдствіи; но смѣпливый товарищъ его, неподобный Сумкинъ, поспѣшью вывелъ его изъ затрудненія.

»Помилуйте, Пепръ Федоровичъ! Да чѣмъ тушь затрудняшься? Го-

споди твоя воля! Да развѣ перо-то не въ нашихъ рукахъ? Развѣ не лѣзя заставишь его, чѣобы оно заговорило за всѣхъ Камчадаловъ, какъ намъ надобно, да попомъ наспавило у каждаго допроса *сайдаки* со спрѣлами (*)? Вопъ вамъ и слѣдспвіе!»

Погремушкинъ мрачно посмопрѣлъ на Сумкина, и махнувъ рукой, сказалъ холодно: »Ну дѣлай, какъ хочешь!»

Такимъ образомъ по слѣдспвію Проповопъ и Мичманъ оказались совершенно виновными въ смерпи Тенявы и въ подученіи Камчадаловъ, а Зуда и въ дѣяпельномъ учаспін въ бунтѣ, оспановленномъ при самомъ

(*) Иповърцы вмѣсто своей подписи спавяли знакъ: лукъ со спрѣлою, положенною на шепиву.

началь, безъ особенныхъ послѣдствій, благоразумными и крошечными мѣрами Гг. Слѣдователей. Аншонъ Григорьевичъ, донося о семъ Губернатору, испрашивалъ имъ, въ поощреніе къ дальнѣйшему усердію по службѣ и въ примѣръ другимъ, за дѣятельность, не утомимость и безкорыстіе, приличное награжденіе, оеобенно наспоаялъ о выдачѣ имъ годоваго оклада, въ уваженіе ихъ бѣднаго состоянія и малаго жалованья, коими де они не въ состояніи пропитываться, ильтя на своемъ попеченіи большія семейства. Къ несчастію его, подобныя казенныя фразы, коими такъ много злоупотребляють слабые и безчестные люди, не могли обмануть тогдашняго Иркутскаго Губернатора, а кошоромъ мы уже

упоминали выше. Прочитавъ означенное донесеніе, *Клигга*, опмѣшилъ на немъ: *оставить до окончанія ревизіи въ Калгаткль.*

Но не сколько сія ревизія, снѣбенная болѣе или менѣе формами, какъ безприсырастный судъ преданія раскрылъ спрашныя дѣянія, нами описанныя. Давно сказано, что гласъ народа есть гласъ Божій. Сколько бы опшорожное лицемѣріе ни укрывалось опъ преслѣдованій закона; но оно не въ силахъ утаиниться опъ преслѣдованій *общаго толка.* Сей всезрящій и всевѣдущій судія проникаетъ въ глубочайшіе изгибы сердца, обнаруживаетъ сокровеннѣйшія пружины дѣяній, и выя снваетъ шемнѣйшія шайны. На грозномъ

судъ его нѣшь ни лицепріянія, ни пощады — и вы, надѣющіеся избѣгнуть наказанія, успаповленнаго закономъ, препените: есть общее мнѣніе, есть презрѣніе и проклятіе народа!

XIX.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗЛОДѢВЪ.

Начальникъ, получивъ письмо отъ Фельдшера о смерти своей жены, въ первый день Пасхи поутру, во время собранія у него поклонниковъ, вышелъ къ нимъ изъ кабинета съ самымъ ужаснымъ лицомъ. Оно было

подернуто какою-то синею тѣнью, изображавшею болѣе раскаяніе убійцы, нежели прищворную скорбь, какую лицемѣрь спаралелъ показать. Во всякомъ другомъ случаѣ, онъ не поскупился бы на обильныя слезы, дабы лучше представить видъ печалющагося, но ипущь не могъ сего сдѣлать: адское мученіе совѣсти и невольное онасевіе преслугника, терзавшее его душу, были слишкомъ сильны для того, чпобы вполне выдержать принятую имъ ролю. Но между тѣмъ сіе страшное состояніе души грѣшника также привело присутствовавшихъ къ выгодному для него заключенію: оно было принято за дѣйствіе величайшей, безслѣзной горести. Обозрѣвъ бессмысленное и покорное спадъ, и не

вспрѣшивъ ни одного смѣлаго и про-
ницапельнаго взора, Начальникъ обод-
рился, и какъ бы задыхаясь отъ
скорби, сказалъ предъ появившимъ: «Да!
Тяжко поперять жену во всякомъ
случаѣ, а особенно теперь мнѣ, въ
такой опдаленности, гдѣ она за-
мѣняла мнѣ все!» Слышавшіе сіи
прогашельныя слова желая показашь,
что они сердечно раздѣляютъ съ
нимъ его печаль, сдѣлали каждый по
самой плаксивой гримасѣ, и плясало
воздохнули.

Съ недѣлю послѣ сего Антонъ
Григорьевичъ не выходилъ никуда
изъ дому, и большую часть супокъ
просиживалъ за Библией. Никто не
сомнѣвался въ его благочеспивыхъ

чувствованіяхъ и размышленіяхъ, кромѣ одного Всевѣдающаго.

Между тѣмъ пріѣхалъ съ горячихъ водъ вѣрный агентъ его, Фельдшеръ и благочестивый опшельникъ имѣлъ слѣдующій разговоръ съ симъ мошенникомъ, который, гордясь оказанною имъ своему повелителю кровавою службою, и считая его уже не столько Начальникомъ, какъ товарищемъ въ злодѣйствѣ, слѣлался гораздо смѣлѣе прежняго въ обращеніи съ нимъ.

— Вотъ видите, Ваше Высокоблагородіе — говорилъ онъ, смотря на подписываемое Анпономъ Григорьевичемъ извѣстное представленіе о наградахъ слѣдователей — другихъ

вы представляете къ наградамъ, а, кажется, и меня пора бы

»И тебя?« — перебилъ Начальникъ, взглянувъ на него съ насмѣшливою улыбкою.

— Да что же вы изволите смѣяться? Конечно, чѣмъ же я хуже другихъ?

»А къ чему прикажешь тебя представить?«

— Какъ, къ чему? Вѣдь, кажется, давно уже я спою на Офицерской линіи

»Вошь чего тебѣ захопѣлось! Спа-

до бытъ пы позабылъ, чпо во вре-
мя оно . . .»

— Да помилуйте! Кто Богу не
грѣшеть, Царю не виноватъ! Вѣдь,
если сказать правду, такъ вашъ чест-
нѣйшій Секретарь и Господинъ Засѣ-
датель давнымъ давно то же бы вы-
шерпѣли, кабы не имѣли Офицер-
скихъ чиновъ, да открылись бы все
ихъ плушни . . .

»Послушай, Алексѣй: пы, во пер-
выхъ, говоришь слишкомъ дерзко для
Начальника, а во вторыхъ и не по
Христіански: знаешь, вѣрно не нюль-
ко ближнихъ, но и . . .»

— Знаю, знаю, Ваше Высокоблагоро-
діе! Я и люблю ихъ обоихъ, да

развѣ бы имъ вредъ бы какой причинился, если бы вы изволили шменя шуть же приписнуть: вѣдь, дѣло-то я сдѣлалъ, а барыша-шо не много!

»Не много, а билешь?«

— Да, сударь, билешь! Не шуть-то было!

»Что же это значить?«

— Да то, Ваше Высокоблагородіе, что мнѣ ихъ и во снѣ не видашь. Принайпесь, Ваше Высокоблагородіе: ужъ, вѣрно, вы изволили пошутить надо мною?

»Я вижу, Алексѣй — опивчалъ На-

чальникъ, вспыхнувшій отъ злобы, но спараясь сохранить видъ спокойствія — ны, кажется, сегодня въ хорошемъ расположеніи духа!»

— Напротивъ въ самомъ худомъ, Ваше Высокоблагородіе, и былъ и буду, если не изволише удовлетворить моею просьбы.

»То есть, представишь себя въ Офицеры?»

— Да-съ!

»Хорошо, ны будешь представленъ; но довольно объ эпомъ. Чшо швои больные?»

— Ничего, сударь! Мичманъ лежитъ

въ общей арестантской, а внуку Протопоша я велѣлъ перевести въ домъ козака Горбунова

»А хорошо ли караулятъ ихъ? Смотрите: пока они больны, такъ на швоемъ опчелѣ. Ну какъ они шперь?«

— Оба въ страшнѣй горячкѣ, Ваше Высокоблагородіе, совсѣмъ безъ памяти.

»А что Протопошь не приходилъ къ своей внучкѣ?«

— Приходилъ вчера. Да какими судьбами, Ваше Высокоблагородіе, онъ разгуливаетъ у васъ на волѣ, какъ правый? . . .

»Не лъзя брашець, особа Духовная; шупь надобно дѣйствовашь острожно. Я ожидаю увѣдомленія изъ Иркутска. Увидимъ, куда вѣперь пошанешь. Ну чпо же эшопь калуерь, когда увидѣль внучку?»

— Смѣхъ и горе, Ваше Высокоблагородіе! Признаюсь, не хопѣль было пускашь его; хопѣль сказашь, чпо не лъзя: испугаешь; ну да шакъ и бышь, думалъ, пусшь полюбуется!

»Чпо жъ онъ плакаль чпо ли?»

— Нѣшь! Хопь бы те слезинку выронилъ! Эшаккой чугунъ! Только положилъ близъ кровати шри поклона

въ землю, прочинялъ надъ больною молитву, и взглянувъ на небо, перекрестилъ ее, и сказалъ: »Богъ да сохранишь и защитишь тебя, дитя мое, и да проснишь твоихъ гонителей!«

»Ха, ха, ха! — засмѣялся неисповымъ смѣхомъ Начальникъ. — Пусть охраняешь ее кто хочетъ, но она теперь въ моихъ рукахъ! А что Мичманъ?«

— Этого безпрестанно бредить: все мапушка, да мапушка! Знаете ли, что я совѣщывалъ бы вамъ? Не подашь ли ему того же снадобья, которое

»Ты, Алексѣй — прервалъ Начальникъ съ негодованіемъ — сегодня слишкомъ смѣль!»

— Да что церемонилъ, Ваше Высокоблагородіе? Вѣдь для васъ же очищаю дорогу

При семъ словѣ вся тяжесть общинческаго подчиненнаго и неизбежно сопряженная съ нею унижительная зависимость опъ него, какъ бы ударили въ сердце злодѣя-Начальника. »Беспія!—думалъ онъ, вскочивъ съ мѣста и начавъ быспрыми шагами ходить по комнатѣ — онъ зазнался, и можетъ быть мнѣ опасенъ; но я найду еще способъ накинуть

на него узду, и заковашь его мерзкой языкъ.»

— Ужъ не на меня ли изволили прогнѣваться? — спросилъ нѣскольکو спрусившій Фельдшеръ, по прежней привычкѣ своей бояшья Антона Григорьевича, и давно изучившій все пріемы сего послѣдняго.

»На тебя? — отвѣчалъ Антонъ Григорьевичъ, силившись принять ласковый видъ. — Съ какой спаши? Нѣптъ, Алексѣй, я сполько доволенъ твоимъ усердіемъ, что грѣшно бы было на тебя сердиться. Я надѣюсь, что ты и впередъ не откажешься мнѣ послужить споль же ревностно.»

— Будьте увѣрены, Ваше Высокоблагородіе!

»Я никогда и не сомнѣвался въ этомъ . . . Но скажи мнѣ, пожалуйста: почто ли Караулиха называла себя матерью Мичмана?»

— Вѣдь я докладывалъ Вашему Высокоблагородію, что это было при моихъ глазахъ.

»Странное дѣло! Мнѣ хочется хорошенько узнать объ этомъ. Пойдешь опъ меня, такъ скажи ей, что-бы она сегодня же побывала у меня.»

По уходѣ Фельдшера, Начальникъ по обыкновенію своему началъ мѣр-

ными шагами ходить по кабинету, съ поникшею головою и съ руками, запкнутыми за поясъ. Спустия съ полчаса вошла Цыганка, и, принявъ на себя самый смиренный видъ, спала у дверей, такъ что свѣча тускло горѣвшая на столѣ весьма слабо освѣщала ея темное лице. Начальникъ, оспановившись въ нѣкопоромъ отдаленіи отъ нея, устремилъ на нее самый внимательный взоръ и, казалось, приводилъ что-то на память; наконецъ сказалъ ей значущимъ голосомъ: »Караулиха! ты должна разсказать мнѣ происшествія твоей жизни. Признаюсь: я смотрѣлъ на тебя прежде безъ особеннаго вниманія; но теперь нахожу въ чертахъ твоихъ что-то знакомое.«

— Помилуйте, бапюшка Ваше Высокоблагородіе: гдѣ намъ людямъ бѣднымъ быть знакомыми съ вашею милостию!

»Притворство свое не у мѣста — прервалъ Начальникъ спрогимъ тономъ.— Я имѣю тысячу способовъ узнать правду; но прежде хочу спросить у тебя самой: точно ли ты Русская?»

— Да чѣмъ же мнѣ бы иной?

»Не жила ли ты когда нибудь въ Бухарестѣ?»

— Гдѣ живаешь, бапюшка! Я этого имени-то не слыхивала.

»Я тебѣ еще подтверждаю, спаруха: говори правду, чтобы послѣ не каяться.«

—Правду, сущую правду говорю вашей милости.

»Спранное дѣло! — думаль, Начальникъ, начавъ опять ходить по комнатѣ.— Въ чертахъ этой женщины есть весьма много сходнаго съ пою Цыганкою, съ которою я познакомился въ Бухарестѣ, и съ которою я, признаюсь, поступилъ не совсѣмъ честно Но впрочемъ, кто жъ не шалилъ въ молодости? И что вспоминать старья дразги? Довольно и новыхъ! Не даромъ сказано: *дольтъ дни злба его!*«

—Гдѣ же твоя родина, старуха?—
спросилъ Начальникъ, вдругъ обра-
тившись къ Цыганкѣ.

»Въ Иркутскѣ, отецъ родной!«

—Въ Иркутскѣ?—повторилъ На-
чальникъ съ грознымъ видомъ. — И
ты смѣешь такъ нагло врать?

»Не вру, бабюшка! Повѣрь Богу:
говорю правду!«

—Но если ты не лжешь: то какимъ
чудомъ Мичманъ могъ быть твоимъ
сыномъ? Ты сама такъ называла
его.

»Отецъ родной!—вскричала Цы-
ганка, упавъ въ ноги Начальнику—

прости меня, многогрѣшную! Я вижу теперь, что должна тебѣ во всемъ покаяться: я ссыльная.»

—Ты ссыльная!—повторилъ Начальникъ съ нѣкопорымъ ужасомъ — и, спало бышь, догадка моя справедлива?

»Нѣтъ, батюшка, вошь-пе въ Святые, нѣтъ! Я родилась въ Петербургѣ. Батюшка и маиушка умерли, когда я была еще ребенкомъ. Я осталась на своей волѣ, а своя воля молодому человѣку, батюшка — кто этого не знаетъ?—суцая пагуба! Къ тому же попалась на худыя руки, а поучишь уму разуму было некому. Вошь я и пошла по мышарствамъ.

Охъ, тяжело, какъ вспомню, сколько грѣховъ на душу пало!»

— Ну, хорошо! — прервалъ Начальникъ суровымъ голосомъ — ты можешь и не вспоминать о старыхъ грѣхахъ и рассказывать проворствѣ.

»Такъ къ слову пришлось, опецъ родной! Ну вотъ видите, на двадцатомъ году у меня родился сынишко. Думала было пехнуть его въ Воспитательный, да жаль спало; вѣшь ужъ, мошь, что ни будь, а не покину свое дѣлище. Вотъ и таскала его съ собой лѣшь до девяти, батюшка, да называла чужимъ, и самому-то ему не сказывала, что онъ мой сынъ, а все толковала: ты-де покраденъ у другихъ. Напоследокъ —

вѣдь горе-то, бапюшка, не за горами, а за плечами—за чѣмъ пойдешь, то и найдешь—напослѣдокъ, опецъ родной, попала я подъ уголовную, и—знаешь: маперинское сердце!—задумала: лучше-де вовсе опкажусь опъ сѣнищка, чѣмъ губишь его вмѣстѣ съ собою, и показала, что онъ-де не сынъ мой, а къ тому же навёрнулся добрый человекъ, который захотѣлъ призрѣть его. Вотъ, бапюшка, всѣ мои похождения. Я сказала все безъ утайки. Хошь вѣрь, хошь не вѣрь! . . .»

Начальникъ, обладавшій умомъ хипрымъ и проницательнымъ, не могъ, съ безразсудною довѣрчивостію, положитья совершенно на слова разскащицы, особенно при извѣспности

★

ея характера и поступковъ; но по лукавому правилу сердца, одержимаго страстию: вѣришь тому, чего желаешь, онъ старался заглушить голосъ совѣсти и разсудка; ибо зная предсмертный разговоръ своей жены съ Мичманомъ, онъ не столько желалъ, сколько спрашивался найти въ немъ своего сына.

—Но если я спрошу самого Мичмана—сказалъ онъ, сохраняя болѣе наружный видъ недоувѣрчивости—и если опкроешься чтонибудь шупъ преступное

»Изволь, батюшка, спрашивать, сколько вамъ угодно; но вы изволили видѣшь изъ моихъ словъ, что онъ и

самъ хорошенько не знаешь, что я его мать.»

— Это правда! Но скажи мнѣ: тебѣ не жаль, что онъ попался въ бѣду?

»Какъ не жалѣть, бапюшка!—воскликнула Цыганка съ прищворными слезами, унавъ въ ноги Начальнику.— Защищи его, родимый! Вѣдь, что еще онъ: молодо, зелено! Будь его отецъ родной: сжался надо мною горемышною!»

Начальникъ, не смотря на всѣ злоухищренія сердца, не преславшій сомнѣваться въ повѣствованіи Цыганки, съ ужасомъ посмошрѣлъ на ея прищворную жалость; но не имѣвъ

силы вдругъ отказались отъ исполненія своихъ преступныхъ замысловъ, и гошовый пожертвовалъ для удовлетворенія спраспи всѣмъ священнымъ, онъ сказалъ ей съ неподражаемымъ равнодушіемъ: »Вспань, Караулиха! Я постараюсь объ немъ сколько могу.«

—Заспавыше за себя вѣчно Бога молишь!—говорила Цыганка, вспавая и всхлипывая отъ слезъ.

»Хорошо, что ты принимаешь такое участіе въ сынѣ—сказалъ Начальникъ по иѣкопоромъ молчаніи, съ насмѣшливою улыбкою;—но говоряшь, что ты не ко всѣмъ дѣшамъ своимъ была такъ жалосплива.«

— Кто это смѣешь говорить? —
спросила Цыганка, вдругъ измѣнивъ
свой голосъ.

»Твой пріятель Фельдшеръ!»

— Онъ?

»Да, онъ. Но это еще не все. Онъ
сказывалъ про тебя вещи самыя
ужасныя, и, если бы я довѣрялъ это-
му мошеннику . . . «

— Что же онъ говорилъ тебѣ? —
прервала Цыганка, начиная прихо-
дить въ бѣшенство.

»Онъ сказывалъ мнѣ, что ты, а
не внучка Пропопопа, оправдала мою

жену, и что ты только сделала на нее опводъ. Если это правда: то»

—Такъ что же ты сделаешь со мною?

»То, что великъ строгоспъ законовъ съ подобными злодѣями?»

—А ты — возопла Цыганка, давъ наконецъ полную волю полюку яростной злобы, шавшейся въ ея груди — а ты, развѣ не такой же злодѣй, какъ и я? Развѣ не по своему приказанію

»Ты, вижу я, сумасшедшая! — вскричалъ Начальникъ, также въ

себя отъ злобы.— Я велю тебя посадить на цѣпь и заморить, какъ собаку.»

— Лицемѣръ и убійца!— кричала Цыганка, предавшись совершенно изступленію.— ты призвалъ меня, видно, для того, чшобы надо мной наругаться? Но я не шакова! Я не боюсь швоей гнусной власпи!

»Не раскайся! Отъ меня зависишь отккрышь убійство ивонхъ дѣшей!»

— Глунецъ! ты поручалъ уже швоему сообщнику запугать меня эшимъ, и думаешь, что я въ самомъ дѣлѣ по этому исполнила швою подлую волю Ошибаешься, злодѣй: я го-

пова на все! Я сама сейчас пойду и объявлю свое злодѣяніе, но и шебѣ, убійца, заставляю мучиться вмѣстѣ со мною!

«Поспой, Фурія! — вскричалъ Начальникъ, испуганный, какъ преступникъ, сею страшною запальчивостію Цыганки и совершенно растерявшійся въ сей неожиданный моментъ. Онъ схватилъ ее за воробѣи и вдернулъ обратно въ свою комнату: — Поспой! я вижу: ты сумасшедшая, и въ бѣшенствѣ своемъ гопова наслушишь всю Камчатку.»

— Пуспи! Ты хочешь меня зашращать!

«Безумная! кто тебѣ это ска-

заль! Я хотѣлъ только открыть
козни прошивъ тебя мошенника
Фельдшера, но я ни когда не позво-
лю клеветать на невинныхъ. Я знаю
что онъ плусть»

—Такой же, какъ ты!

»Караулиха! мнѣ давно сказывали,
что ты выходишь по временамъ изъ
себя: вопъ почему я не могу на те-
бя сердиться. Но, признаюсь, тебѣ:
я хотѣлъ бы опдѣлаться какъ ни-
будь отъ этого мерзавца. Я даже
слышалъ, что онъ обманулъ и те-
бя. Общала много, и не далъ ни
чего»

—Да, меня обманули—отвѣчала Цы-
ганка, начиная успокоиваться;—

но не знаю, копорый изъ васъ ты на него, а онъ на тебя сваливаешь эту вину.

»Подлецъ! Неблагодарный! Клянусь Богомъ: я дорого бы заплашилъ тому, кто бы меня опгъ него избавилъ!»

—Тупъ не нужно плащипь слишкомъ дорого! — подхватила Цыганка съ злобною усмѣшкою, всегда гошоваля на погнбелъ другаго, и находя адское удовольствіе въ смершныхъ грѣхахъ своего, оболъснншеля.— Это дѣло всего стоиптъ двадцань копѣекъ! Такъ в бынѣ, не пожалѣю! Опдамъ последніе!

»Нѣтъ, Караулиха! — подхватилъ Начальникъ такимъ голосомъ, какъ

бы онъ не понималъ намѣренія Цыганки, и какъ бы она говорила о какомънибудь добромъ дѣлѣ. — Я не хочу, чтобы бѣдный человекъ для меня спрашивалъ: вошь тебѣ десять рублей. *Богъ велѣлъ намъ помогать ближнему.*»

— Боги! Помогають ближнему! Ха, ха, ха!

»Что же тебѣ смѣшно?»

Цыганка продолжала хохотать. Начальникъ долго крѣпился, но наконецъ и самъ расхохотался надъ своимъ лицемѣрствомъ. Въ эпосъ смѣхъ оплывались адекіе шоны.

»Мы съ тобой, Караулиха — скажешь, наконецъ, Начальникъ—кажеш-

ся, вѣкъ свой оба уже опжили, и дурачимся, какъ рабѣша; смѣемся сами не зная чему.»

— Теперь смѣемся, а придетъ время, будемъ плакать! — опвѣчала Цыганка дву-знаменательнымъ тономъ.

»Это правда! — говорилъ Начальникъ, непонявъ въ точности значенія словъ ея, и между тѣмъ принявъ на себя обычную ролю святоши. — Всему есть время подъ солнцемъ! Жизнь бѣжитъ, какъ вода; поэтому-то и надобно дѣлать добро наскоро. Знаешь ли, что придумалъ я? Фельдшеръ хоть, правда, и великій негодяй, но до вѣкопорого времени онъ мнѣ нуженъ. Между тѣмъ мнѣ хочется и тебѣ-то обе-

зопасить со споровы его; на шотъ случай, если бы онъ вздумалъ тебя оклеветать, когда прїѣдетъ сюда Ревизоръ. Я думаю вотъ какъ: подпиши-ка ты эту бумагу. Я нарочно ее для тебя приготоовилъ. Это показаніе отъ твоего лица, что онъ подговаривалъ тебя оправить мою жену, чпобы попомъ ее обокрасить. Я до времени подержу эту бумагу у себя и пуцу ее въ ходъ, когда понадобится. Ну, что же ты не отвѣчаешь ничего?»

Цыганка въ свою очередь пришла въ изумленіе, удивляясь безднъ коварства, хитрости и злодѣйства, въ лицъ своего сипариннаго знакомца, и, измѣривъ его глазами, покачала головой и молча подписала бумагу.

— Ну, спасибо, Караулиха! Поди же, да смонри хорошенько за внучкой Пропопопа. Я отдаю тебѣ ее на попеченіе: ты умѣешь обходиться съ больными. Она необходима для объясненія дѣла, и, Боже сохрани, если умреть!

Цыганка, продолжая сохранять молчаніе, вышла изъ комнаты, и идучи по улицѣ, говорила сама съ собой: »Хорошо, мошенникъ! губи, какъ умѣешь, твоихъ сообщниковъ. Я подпишу тысячу бумагъ на нихъ и на себя, лишь бы они не помѣшали мнѣ погубить самага тебѣ.«

Между тѣмъ, Начальникъ сѣлъ за ещолъ, и положивъ предъ собой ея по-

казаніе, глядѣль на него съ усмѣшкою. »Теперь, Господинъ Фельдшеръ и эша снара я черповка въ моихъ рукахъ! Перваго я могу такъ заспрашивать эпою бумагою, въ случаѣ нужды, что онъ и рпнн разинушь не посмѣешь передо мною, а послѣдняя уже не можешь пугать меня своимъ признаніемъ, хотя бы тысяча Ревизоровъ прѣвхала! . . . Но чорпъ возьми, если эша проклятая вѣдьма шолько запирается, и если она въ самомъ дѣлѣ была нѣкогда. ною молодою, прекрасною дѣвушкою, которая казалась мнѣ такъ хороша, такъ мила, и даже такъ добродѣтельна, что я влюбился въ нее безъ памяти, и не иначе могъ склонить ее на свою сторону, какъ шолько шѣмъ, что даль

съ клятвою обѣщаніе на ней же-
висься! Да, если это въ самомъ дѣ-
лѣ она: то смотря на нее, едва ли
кто опважится похвалиться пос-
тоянствомъ своей добродѣтели?
Э! всѣ эти люди добродѣтельные хо-
роши только до перваго случая!»

XX.

Р а с к л а я н и е .

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней
Юня, весьма рано поуспру, шель
по берегу Пепропавловской гавани,
пробираясь къ *Авагинской губь*, че-
ловѣкъ довольно высокаго роста и
преважной осанки. Повидимому, онъ

Часть III.

8

вышелъ полюбоваться природою: ибо шелъ шагъ за шагомъ и самое неумѣренное, даже глупое восхищеніе изображалось на его лицѣ. Поводя во всѣ стороны вздернутымъ кверху носомъ, онъ, казалось, хотѣлъ выплянуть весь ароматъ изъ воздуха и съѣсть окружающую его картину. Она въ самомъ дѣлѣ была и прелестна и величественна: ибо съ наступленіемъ Іюня прошла Маршовская погода, и жишелъ Камчатки благословилъ, наконецъ, благодатное явленіе лѣта. Березовыя рощи, можно сказать, мгновенно распустившіяся, наполнились на пути незнакомца, наполняя воздухъ своею благошворною свѣжестью. Холмы и долины, по которымъ проходилъ онъ, были одѣяны молодою зеленью и убраны цвѣтами,

между коими преимущественно красовалась оранжевая сарана, сколько прелестная, столько же и полезная въ быту Камчатскаго обитателя (*).

Незнакомецъ взошелъ на одинъ изъ холмовъ, и, обозрѣвъ окрестности, обратился неподвижно къ зрѣлищу восхожденія солнца. Волны свѣта выбѣгали изъ безднъ свѣтлосарнаго Воспока, обливавшего пламенемъ небо и море. Съ каждымъ приливомъ свѣта, и лѣса и горы, какъ бы поочередно, выходили изъ небытія, и являлись взору другъ за другомъ, въ постепенной отдаленности. Наконецъ золотой лучъ загорѣлся на вершинѣ *Авачинскаго шатра*, и миллионы пши-

(*) Корни сараны сушатъ на солнцѣ и кладутъ въ кашу, пироги и шолкушу.

чекъ, почувствовавъ явленіе въ міръ Царя жизни, привѣпствовали его своимъ пѣніемъ. Воспорженный до безумія симъ величеспвеннымъ зрѣлищемъ, равно поражающимъ глупца и мудраго, незнакомецъ, наконецъ, воскликнулъ съ жаромъ: »O natura divina! (O Божеспвенная природа!) Люблю тебѣя, поклоняюсь тебѣя, уважаю и чпую! Въ тебѣя все пакъ чинно, спройно, благоприлично, не какъ въ дѣлахъ человѣческихъ! Ахъ, Владыко! Хоть на себя я взгляну . . чпо я? До сихъ поръ я еще не порѣшилъ себя! Самъ не знаю, чпо мнѣ выбрапъ?»

Говоря сіе незнакомецъ спустился съ холма и пошелъ обратно, продолжая разсуждапъ вслухъ съ самимъ собою

»Словно злой духъ какой подбрасываетъ мнѣ полѣна! Хопѣлъ женишься — не могу, сударь, ни какъ рѣшишься, да и полно! Сегодня правится одна, завтра другая! Начинаю свашаться — не опдаюпъ: внѣ себя отъ отчаянiя; начали соглашались — тогда самъ я опказываюсь. Знаю что бѣсятся на меня, но мнѣ-то что же дѣлать? Теперь наступила еще горшая бѣда: выборъ званiя! По милоспи Фельдшера, я теперь имѣю честь засѣдать въ судѣ; но что же мнѣ дѣлать? Рѣшитель-но ли перейди въ Спапскую, или оспаваться въ духовномъ званiи? И здѣсь еще новая задача: быть ли Священникомъ, или обречь себя на вѣчное одиночество и сдѣлаться монахомъ? О какая мудрость попребна,

чтобы разрѣшилъ этотъ Гордіевъ узелъ! Тамъ широкая и проспанная дорога къ повышенію, за то скудное содержаніе; шущь бы и порядочный доходъ, да нѣтъ ни какой нищи для честолюбія: засѣлъ въ одно мѣсто, такъ и сиди до скончанія вѣка; въ монашескомъ званіи, правда, сіи выгоды сливаются, такъ можно ли, при моемъ чувствительномъ сердцѣ, отказаться отъ утѣхъ семейственнаго счастья? Какъ согласишь всѣ эти противорѣчія? Quo me vertam? quod iter incipiam ingredi? quam vivendi viam ingrediar insistem? (Куда мнѣ обратиться? какую дорогу избрать? какой родъ жизни выбрать?) Блаженны неразсуждающіе! Между тѣмъ, какъ они идутъ безъ заминки по пути жизни, и слѣпо добиваются

ся почестей и богатствъ, человекъ съ гениемъ, какъ на примѣръ я, человекъ, любящій глубоко проникать въ сущность вещей, останавливается при началѣ поприща, и не знаешь: куда ему вступить»

— Сюда, сюда! — прокричалъ съ боку голосъ. — Тупъ прямо-по болоту: если упадешь, такъ увязнешь по уши!

«Ахъ, въ самомъ дѣлѣ!» — вскрикнулъ дьячекъ, и, взглянувъ въ сторону, увидѣлъ выходящаго изъ лѣса Фельдшера.

— Куда икакъ раненько собрался, Климъ Степанычъ? — спросилъ сей послѣдній. — Ужъ не шашни ли за-

велись какія? И смопри какъ поднарядился: красный кафтанъ и голубые штаны! Молодецъ! Дура же только эша внучка Протопопа!

Дьячекъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на одежду, въ копорую онъ облачился, по случаю намѣренія своего оставилъ духовное званіе. Онъ прибодрился ферпомъ, и выфранчивая самымъ смѣшнымъ образомъ, заплепалъ и косилъ ногами.

— Славно, славно, Климъ Степанычъ! — продолжалъ Фельдшеръ, идучи съ нимъ рядомъ. — Вопшь ужъ шеперь ты, можно сказать, что женихъ во всей формѣ, особенно еще какъ Офицерской чинишко схватишь, шакъ

•»То-шо, брашъ, меня еще и раздумье беретъ: не знаю еще, идиши или не идиши въ Спашскую?»

— Помилуй, любезный, что же тебѣ думаешь, когда ужъ пы и прошение подалъ?

•Такъ что же? Развѣ не лѣзя взяшь назадъ? Эшо, брашъ, я ужъ не раздѣлывалъ! Сперва подашь, а тупишь и раздумашься.»

— Полно, полно, не срами себя! Что тебѣ хочешся опять надѣшь свой долгополый балахонъ? Посмотри-ка пы теперь на себя въ зеркало: молодець! Хопъ кому, шакъ же-нихъ!

»Хо, хо, хо! — засмѣялся дьлчекъ
во все горло. — Женихъ-шо женихъ,
да невѣсшы-шо нѣтъ!«

— Какъ нѣтъ? А внучка Прото-
попа?

»Да, внучка, пойдешь! Нѣтъ, ужъ
я опчаялся.«

— А я тебѣ скажу, что не надо
опчадваться. Начальникъ самъ мнѣ
сказывалъ, что на эсихъ дняхъ поѣ-
дешь къ Протопопу, и будешь на-
счолить, чнюбы онъ непременно за
тебя выдать.

»Будно правда«

— Какъ Богъ свящъ!

«Да, конечно, это было бы хорошо; но знаешь ли: если вникнуть глубже, то едва ли мнѣ еще и семь большая выгода.»

— Помилуй, Климъ Степанычъ, да въдь прежде ты только это спать и видѣлъ

«Прежде такъ, но теперь»

— А теперь, видно, какъ дѣло начало приходитъ къ концу: такъ и раздумье взяло.

«Да разсуди же ты самъ: вопервыкъ»

— Мнѣ пушъ судить нечего, а я просто скажу Начальнику, что ты раздумалъ.

«Нѣтъ; погоди говорить. Я подумаю.»

— Ну, думай же, а шеверъ прощай!

Фельдшеръ свернулъ въ спорону, а дьячекъ, подходя къ дому, занимаемому Уѣзднымъ Судомъ, на время пріѣхавшимъ изъ Нижне-Камчатска, опяшь началъ разсуждать самъ съ собою: «Вотъ тебѣ на! Еще новал-задача! Раскусывай ее какъ умѣешь! О вы, древніе рѣшители самыхъ трудныхъ задачъ для человѣчества! О Платонъ! О Сократъ! О Сенека!

да освѣтитъ меня безсмертный гений
вашъ своимъ лучезарнымъ крыломъ,
и да»

— Кушейникъ! — вскричалъ вывер-
нувшійся изъ за угла мальчишка.

Сіе магическое слово разомъ пре-
сѣкло печеніе дьячковой рѣчи. Онъ,
внѣ себя отъ вѣѣва, погнался за ша-
луномъ съ палкою, а мальчишка,
бывъ изъ числа подъячихъ, побѣжалъ
прямо въ Судъ. Дьячекъ за нимъ, и
такимъ образомъ оба они скрылись
во святилищѣ правосудія, гдѣ обид-
чикъ и получилъ отъ обидимаго воз-
даяніе по заслугамъ.

Въ сіе время Члены Суда, Судья и
два Засѣдашеля, были уже въ При-

суписпвіи. Судья, Баронъ Бушеръ, былъ добрый и честный Нѣмецъ, любившій искренно правду и не бравшій взяпокъ ни подъ какими шишами, словомъ: человекъ, какого только можно желать для служенія во храмъ Ѳемиды; но (какъ говоришь нашъ знаменитый Крыловъ:

Одно въ Царѣ лишь было худо:

Царь этотъ былъ осиповый чурбанъ!)

одно было худо въ нашемъ Судьѣ, что онъ не умѣлъ ни читать, ни писать по Русски, и только выучился, и то съ превеликимъ трудомъ, кое-какъ подписывать свое имя. Правда, Г. Баронъ старался всячески скрывать свое невѣжество, и особенно выѣзжалъ на презрѣніи къ Русскому языку; но за всеѣмъ тѣмъ всякой разъ, какъ приводилось ему под-

писывашь бумаги, чувствовалъ большое неудобство отъ этого пущака; ибо не разъ случалось, что Секретарь возвращалъ ихъ къ нему обратно съ несноснымъ докладомъ: »Вы изволили подписашь-сь вверху ногами.« Что тутъ оставалось дѣлать Барону, какъ не прибравъ на нашъ бѣдный языкъ разныя Нѣмецкія бранни?

Изъ числа Засѣдателей одинъ былъ Малороссіянинъ, по уму и по прозванію: *Дураченко*. Онъ составлялъ совершенную противоположность съ Барономъ. Баронъ зналъ все, кромѣ Русской граммы, а Дураченко, кромѣ граммы, не зналъ рѣшительно ничего; припомъ всякое знаніе почиталъ глупостію, отъ роду не чи-

нѣвалъ ни одной книги, и это невѣжество ставилъ еще себѣ въ превеликую честь.

Другой Засѣдашелемъ былъ Хапиловъ, о которомъ было уже упомянуто выше. Онъ былъ поже неучень, но человекъ съ здравымъ умомъ и съ знаніемъ своего дѣла, каковы большею частію природные Сибирскіе служаки. Хапиловъ родился въ Камчаткѣ, шёръ, какъ говорится, лямку лѣтъ тридцать, чшобы добитсья високаго званія Засѣдашеля: ибо десять разъ открывалась ваканція, и десять разъ еадили на нее пріѣзжихъ, по извѣстному выраженію: *»нѣсть пророкъ во отечествіи своемъ»*. Товарищи же его, какъ легко догадашья и по ихъ произхожденію, были оба пріѣзжіе,

и посажены на мѣста, какъ люди опличные, по представленію Антона Григорьевича.

Секретарь сего Ареопага, по прозванію Прижимовъ, былъ самый знаменитый крючекъ по всей Камчаткѣ, плуцъ, взяточникъ и пьяница. Судья Бутеръ не разъ грозился выгнать его изъ должности; но, надобно сказать правду, собственное благоразуміе запрещало ему сіе дѣлать: ибо Прижимовъ замѣнялъ ему не только руку, но и голову. Пользуясь симъ, Секретарь презиралъ и угрозами Судьи и самою его особою, и ходилъ въ Присутствіе поспоянно полу-пьянымъ.

По открытіи засѣданія, Дураченко

спросилъ вчерашній журналъ, ко-
рый и былъ поданъ ему Секретаремъ.
Перелиснывая неспрадь съ миною
неудовольствія, Дураченко спросилъ
Секретаря: «жю это писалъ?»

— Вновь опредѣляющійся дьячекъ
Шайдуровъ-съ.

»Позовите его.«

Шайдуровъ вошелъ въ присуш-
ствіе, и сдѣлавъ легкій поклонъ à la
mode, старался подойти къ столу
Присутствія со всѣмъ искусствомъ,
въ полной надеждѣ, что онъ своею
ловкою обрѣшетъ на себя вни-
маніе Начальсва; но вдругъ всѣ его
лесныя мечты размешались, какъ

дымъ, когда Дураченко грозно строгилъ его:

»Ты это вараксаль?«

— Я, сударь!

»А что это у тебя, бррапонецъ, за каракули?«

— Это, сударь, загляпыва.

»Чпобъ я ни когда не выдалъ ихъ! Ты шолько, бррапонецъ, переводишь черныла. Пыши, какъ я, а не по я шбя подъ арестъ велю посадышь.«

— Да помилуйте, сударь, за что же?

»Такъ ты, брратецъ, еще вздумалъ со мною спорышь. Спорожь! возьми его, сними съ него сапоги, да не пускай опсюда цѣлую недѣлю!«

Дьячекъ, пораженный, какъ громомъ, симъ приказаніемъ, не сказалъ ни слова, и только крупныя слезы градомъ покапились изъ его глазъ, когда спорожь началъ снимать съ него сапоги. Сіе оскорбленіе шѣмъ еще было для него чувствительнѣе, что приказные подняли при семъ случаѣ ужасный хохощъ, такъ что *Дураченко*, выглянувъ изъ Присутствія, закричалъ на нихъ: »Перестаньте, черпи! Я со всѣми вами сдѣлаю поже.« Хохощъ стихъ, но за то посыпались на бѣднаго дьячка самыя язвительныя насмѣшки.

— Что, брашъ! — говорилъ одинъ изъ старыхъ повѣщичиковъ — видно писашь-шо не въ колокола звонишь?

»Да — подхвятишь другой — видно это не кушья: за одинъ разъ не схлебнешь!»

— Вишь — прибавилъ прешій — выѣхалъ со своими крюками! Нѣтъ, брашъ, здѣсь ихъ не любятъ! По нашему такъ вопъ какъ: захопѣлось табаку нюхнуть, шакъ шупъ и почка!

Особенно надѣдалъ нашему бѣдняку проклятый мальчишка, который послѣ полученныхъ имъ опъ него побоевъ, сдѣлавшись совершеннымъ его врагомъ, дразнилъ его безъ малѣй-

шаго отдыха и пощады; »Купейники! знаешь ноги-то спотыли, что сапоги снялъ? Смотри: мышъ бѣжитъ; не отгрызла бы пальцы!« и проч. Разумѣется, что всѣ эти выкладки были глупы, какъ не лѣзя болѣе, но они ужасно терзали злополучнаго и неповиннаго дьячка. Наконецъ, бѣдствие его достигло высочайшей степени: мимо оконъ Суда прошелъ Протопопъ, прямо къ воротамъ судебного дома. Дьячекъ совершенно обезумѣлъ отъ стыда, и вскочивъ со стула, распахнулъ шкафъ, состоявшій подлѣ печи, и спряпался около нея за шкафною дверью, такъ что только однѣ его босыя ноги выказывались изъ за нихъ. Протопопъ вошелъ въ комнату; вѣжливо поклонился подлѣчникомъ и не видя спорожа, на сей разъ

куда-то усланнаго, спросилъ у одного изъ нихъ: «можно ли доложить объ немъ присупствію?» Подъячій равнодушно поглядѣлъ на него, и опять началъ писать, не удостоивъ его ниже словомъ. Протопопъ спросилъ другаго, и получилъ попъ же отвѣтъ: эта чудная психологическая черта, которая вовсе неизвѣстна въ высшихъ Присупственныхныхъ мѣстахъ, въ нижнихъ инстанціяхъ, кое-гдѣ, сохраняется еще и донинѣ. Протопопъ, видя, что приказные, не отвѣчая ему, только изрѣдка вспръскиваютъ опъ смѣха, и не понимая сего причины, рѣшился ожидать спорожа, и сѣлъ на лавку, стоявшую противъ самаго шкафа. Приказные примѣтивъ, что онъ увидѣлъ дьячковы ноги, опять подняли

общій смѣхъ, а мальчишка, тихонько вскочивъ со скамьи, и подкравшись къ шкафу, вдругъ оппахнулъ дверь шакъ чшо дьлчекъ едва успѣлъ полько произнести: ахъ! и, съ смершною блѣдностію на лицѣ, споялъ, пошунивъ голову, какъ пойманный на шалости школьникъ, и не смѣя поднятъ глазъ на Пропопопа.

— Ну выходи, краснѣй гусь! — говорилъ мальчишка, издѣваясь надъ его робостію. — Не докуда тебѣ тупъ стоятъ: ноги оперпнуть!

»Чшо это, Степанычъ! — сказалъ Пропопопъ съ истиннымъ участіемъ — въ какомъ, брашъ, положеніи тебѣ вижу? Вошъ, брашъ, какъ случается съ людьми, которые берутся

не за свое дѣло! Кабы ты пошелъ по Духовному званію, да пошелъ съ умомъ: такъ ты вѣкъ-то свой прожилъ бы спокойно, и покрайности такого срама, право бы, не терпѣлъ! А то захопѣлъ, Богъ знаетъ, чего, ударился въ доносы, да въ кляузы, и что изъ этого выйдешь пупнаго, Богъ вѣспы!»

Дьячекъ не отвѣчалъ ни слова, но зарыдалъ, и началъ громко всхлипывать. Пропопъ, по опличной добротѣ своей души, глубоко былъ пронупъ его положеніемъ, и, забывъ всѣ обиды его, началъ его уговаривать съ самымъ ошеческимъ расположеніемъ:

»Ну, полно, полно, Степанычъ!

Часть III.

9

Господь милосердивъ! Еще такой бѣды нѣтъ, чтобы такъ плакать! Сними-ка нынѣ этотъ красный поддегъ, да оспанься въ прежнемъ: такъ авось дѣла твои поправятся. Ты тогда, какъ приходилъ просить меня, чтобы я написалъ о тебѣ съ Саламатовымъ къ Преосвященному, хоть немножко меня и оскорбилъ; однако я все-таки о тебѣ писалъ хорошее, и вошь съ нынѣшней почтой получилъ ошвьшь. На-ка, чишай!»

Дьячекъ, все еще не смѣя взглянуть на Прошопона, взялъ бумагу шрепещущею рукою, и едва дочитавъ до половины, какъ выронивъ ее изъ рукъ, вскричалъ самымъ опечаленнымъ въ голосомъ: »О! это сверхъ силъ моихъ! Если бы меня распилили, раз-

чешверили, я перенесъ бы это мученіе легче, нежели ваши благодаренія. Онъ мнѣ жгущъ и прожигающъ насквозь сердце!

»Полно, Степанычъ!—прервалъ Пропопъ.— Къ чему эти пустяки сбивать?»

—Нѣшъ, Отецъ Свяшій, это не пустяки. Я васъ оклеветалъ праваго, а вы виноватаго меня оправдали, Охъ, тяжело! Не могу этого снести! Прощайте, Свяшій Отецъ! Поминайте меня въ вашихъ молитвахъ.

Сказавъ сіе, дьячекъ схватилъ лежавшую на полу веревку, опрометью бросился въ дверь, и сшибъ съ ногъ шпорожа, попавшагося ему на встрѣ-

чу. Спорожъ, вскочивъ на ноги, бросился за нимъ, думая, что онъ бѣжалъ отъ аресту; равнымъ образомъ и многіе изъ подъячихъ также кинулись изъ Суда, не столько для поимки дьячка, сколько для того, чтобы воспользоваться случаемъ для ошлучки отъ должности, и чтобы завернувшись по дорогѣ въ свое любимое мѣстопребываніе. Самъ Прошопонъ также вышелъ за воропа и глядя вслѣдъ за бѣгущими, покачалъ головой, и, глубоко вздохнувъ, сказалъ съ горестію: »Бѣдный парень! совсѣмъ погибъ отъ своего високоуміа!«

Между тѣмъ дьячекъ, опмѣривая преогромные шаги, далеко опередилъ преслѣдовавшихъ его, и, наконецъ, скрылся отъ нихъ въ лѣсу. Онъ объ-

жалъ сгоряча всю Пешропавловскую гавань, выбѣжалъ на берегъ *Аваги*, и шамъ, выбравъ толстое дерево, придѣлалъ къ нему подмости, и спавъ на нихъ, привязалъ веревку за сукъ, съ топовою пеплѣю, и попомъ вложилъ въ нее голову; оставалось только сполкнуть подмости и повиснуть. Въ семъ положеніи пропекло нѣсколько минутъ; но подмости все еще были цѣлы: ибо нерѣшимельность не покинула своей жершвы и на краю гроба. Дьячка взяло раздумье: не лучше ли упопиться? Около четверти часа онъ высчитывалъ удобства той и другой смерти, и, наконецъ, отвергнувъ смерть сухопутную, рѣшился избрать водную. Съ сею мыслию, онъ вынулъ изъ веревки голову, и,

проворно соскочивъ съ подмостковъ, бросился прямо къ водѣ. Но между шѣмъ продолжительность разсужденій чувствительно охладила въ немъ охоту къ смерти, такъ что взоидя только по колѣно въ воду, онъ впалъ въ новое недоумѣніе: »Не лучше ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ—говорилъ онъ самъ съ собою— умереть, какъ умирали древніе: съсипъ въ воду, и пустить себѣ кровь изо всѣхъ жилъ? Точно! Такъ умеръ великій Сенека, такъ умру и я! Съ симъ словомъ онъ сѣлъ въ воду, и припоминая себѣ монологъ Капона, дабы умереть по всѣмъ правиламъ древней Философiи, хватился перочиннаго ножичка, съ помощію котораго хотѣлъ послѣдовать за Сене-

кою; но переискавъ во всѣхъ карма-
нахъ, ни гдѣ его не нашель. »О верхъ
несчастія!—вскричалъ онъ, выходя
изъ воды.— Нечего дѣлать! Видно въ
наказаніе за мои преступленія все-
могущая судьба не позволитъ мнѣ
умереть такъ, какъ умеръ ты, ве-
ликій свѣпильникъ древности, и вид-
но я долженъ кончить жизнь не какъ
Философъ, но какъ умирающъ и са-
мые невѣжественные люди, отъ
этой грубой, варварской верви!« Дья-
чекъ опять хотѣлъ было закинуть
на себя петлю, какъ вдругъ кто-то
схватилъ его за руку, съ крикомъ:
«здесь, здесь!» Это былъ сторожъ, уже
довольно дряхлый старикъ. Дьячекъ
разомъ выдернулъ у него руку, и оп-
полкнувъ его отъ себя прочь, опять
кинулся въ лѣсъ. Вслѣдъ за нимъ

опяпъ погнались и спорожъ и со-
пупспвовавшіе ему подъячіе; но всѣ
они были уже въ порядочномъ кура-
жѣ, и дьячекъ снова скрылся опъ
нихъ въ чащѣ лѣса. Долго шумъ и
шрескопня, раздававшіеся въ немъ, из-
вѣщали слѣдовапелей о могучемъ бѣ-
гѣ опчаяннаго дьячка, которьй, ска-
жемъ ксшапи, былъ одаренъ опъ
природы чрезвычайною пѣлесною
силою; но вскорѣ запахъ и шумъ, и
преслѣдовашели, опказавшись опъ
успѣха въ поимкѣ, принуждены бы-
ли возвратиться назадъ, и прошли
по кратчайшему тракту прямо въ
Пишейный домъ.

XXI

СУДЬЯ ВЪ ХЛОПОТАХЪ.

Тревога, произведенная бѣгствомъ дьячка, смутила присутствующихъ, и всѣ они бросились къ окнамъ. Проводивъ глазами бѣглеца, Судья Бушеръ и Засѣдатель Дураченко призвали въ Присутствіе оставшихся въ Судѣ.

*

приказныхъ, и произвели строгій разспросъ о причинѣ и подробностяхъ сего происшествія. Наконецъ правдолюбивый, но близорукой Судья, бывъ подспрекнутъ *Дураченкомъ*, разгнѣвался, самъ не зная за что, на Пропопопа, и, позвавъ его въ Присутствіе, сказалъ ему съ примѣшною запальчивостію:

• «Каспадицъ Пропопопъ! я призывалъ васъ, чтобы объявить волю Начальника: обратъ отъ васъ въ-который свѣдѣній»

• — Я готовъ исполнить волю Начальника—отвѣчалъ Пропопопъ съ величайшею скромностію; — но я самъ получилъ изъ Иркутска уведомленіе, что дѣло Тенявы по слу-

чаю доноса, поданнаго Саламатовымъ,
оставлено до приѣзда еюда Ревизора,
и что

»Постойте, Каспадинъ Пропопоя!
Вы не даль мнѣ досказать, что я
началь. Судъ призывалъ васъ для
этого дѣла; но теперь вы сдѣ-
лалъ новый проказъ, и сейчасъ же
извольте написывать къ намъ опи-
сашь«

— Господинъ Судья! я ипуть не
сдѣлалъ ни какой проказы, а только
хотѣлъ обратитъ погибающаго на
путь правый.

»Тутъ сказывають проповѣдь не
время: для этого былъ церковь. При-

помѣ вы показывалъ ему какой-шо
бумагъ»

— Да, я показывалъ ему бумагу
ко мнѣ оиъ Преосвященнаго, коню-
рый, по ходашайспву моему, его про-
спилъ, и предписывалъ возвратишь-
ся ему въ Иркутскъ для принятія
священства

»Да что, Богданъ Ботданычъ! —
сказалъ Дураченко съ шою неизъя-
снимою злобою, кѣшорой обыкновен-
но предающся подмья и низкія души,
при видѣ челоуька, нелюбимаго На-
чальствомъ — что теряеть попу-
сту слова? Прикажише Секретарю,
чтобы онъ записывалъ, что Опець
Протоіерей будетъ говорить, да

вредспавимъ Начальству — вопль и все!»

— Вы говорилъ резонъ. Каспадинъ Протопопъ! извольте състь и сказывающъ, а, вы, Каспадинъ Секретарь должны писать!

Протопопъ, по удивительной скромности своей, ни сколько не прошиворѣчилъ сему обидному приказанію, и разеказалъ, какъ происходило дѣло. Наконецъ допросъ былъ конченъ. Протопопъ уже готовъ былъ его подписать, какъ вдругъ Засѣдатель Хапиловъ, непримѣнно заглядывавшій въ сію бумагу, во время письма, вдругъ остановилъ Протопопа: »Постойте, и прежде прочи-

спайше: тушъ написано совсѣмъ не то, что вы говорили!»

— Какъ не то? — возразилъ Секретарь, спараясь выдернуть бумагу изъ рукъ Хапилова. — Нѣтъ-съ, извините-съ: точно то-съ!

»Не понимаю, какъ достаетъ у тебя дерзости: — вскричалъ Хапиловъ — это утверждать? Развѣ ты думаешь, что я не умѣю читать?... Богданъ Богдановичъ! вы изволили слышать, что говорилъ Отецъ Протоіерей; теперь выслушайте, что написалъ Г. Секретарь.»

Хапиловъ прочитавъ ошвѣщъ, въ которѣмъ Протопопъ явно обвинялъ себя въ произведеніи въ Судѣ шума,

безпорядка и безчинства; въ подученіи дьячка къ оставленію службы и къ побѣгу; въ грубыхъ опивѣхахъ и вредѣ Судьею и проч. Выслушавъ сіе, любившій правду Судья совершенно взбѣсился, и обратился къ Секретарю съ величайшимъ гнѣвомъ: »Каспандинъ Секретарь! какъ вы смѣль ашо сдѣлашь на моихъ глзъ?»

— Да что же я сдѣлалъ такое? — опивѣчалъ равнодушно Секретарь, запкнувъ за ухо перо и не вставая съ мѣста.

»Какъ что? И вы смѣете говорить съ Нашальникъ, не вставай со стуль? Я васъ фелю сею же минушу посадить подъ арестъ, и кушашъ одинъ хлѣбъ и водъ.»

— И будшо не лъзя ужъ будешъ
и каплю вина пропуститъ въ гор-
ло? — говорилъ Секретарь съ на-
смѣшкою.

»Mein Gott! что мой видѣль? —
векричалъ Судья, совершенно выйдя
изъ себя. — Онъ смѣетъ еще надо мной
издѣваться! Спорожъ! посаживай его
подъ арестъ.»

— Пожалуйте, Ваше Благородіе! —
сказалъ подошедшій къ Секретарю
спорожъ.

»Пошелъ прочь! Пойду лк

— Какъ швой не пойдешъ! — вос-
кликнулъ Судья, даже въ нѣкоторомъ

безнамятствѣ. — Я фелю тащилъ
себя са волосъ!

»Попробуй-ка!»

Судья кинулся было самъ тащить
его, но Секретарь, отшолкнувъ его
отъ себя, сказалъ ему весьма хладно-
кровно:

— Да, что, Богданъ Богдановичъ,
шакъ ты расходился! Вѣдь, теперь
не прежняя пора тебѣ надо мною
ломаться; стойте только захопите
мнѣ, шакъ ты *и пошелъ вверхъ ногъ!*

»Что это значить?»

— А вотъ что *значить!* Госпо-
да! — провозгласилъ Секретарь, обра-

шлись къ Засѣдателямъ, изъ коихъ Хапиловъ, смотрѣлъ на сіе происшествіе съ примѣшнымъ прискорбіемъ, а Дураченко, напрошивъ, едва удерживался отъ смѣха — Господа! извольте-съ выслушать. Вчера Г. Судья, подписалъ прошеніе объ отставкѣ на имя Намѣстника, и вопль что въ немъ пишеть . . .

»Что я слышу? Какое прошеніе?« — прервалъ Судья, съ величайшимъ испугомъ.

— Тебѣ должно быть извѣстно, когда подписывалъ. Господа! Судейская ли это рука?

Засѣдатели сдѣлали утвердительный отвѣтъ.

— Такъ вошь извольте съ выслушать: »Во все продолженіе моей сорока-лѣтней службы я посплошну обманывалъ Начальство: не зная не только законовъ, но и Русской грамоты, я перешелъ многія должности и наконецъ добился званія Судьи, упохребляя всякую неправду, пропырства и подлости. Наконецъ начинають меня мучить совѣсть: не могу долѣе жить обманомъ, потому что смерть уже стонитъ за плечами. А потому приношу мое душевное покаяніе, что я человекъ незнающій, глупый и къ должности своей вовсе неспособный (*)«

— *Almechtiger Gott!* (Всемогущій

(*) Истинное происшествіе.

Боже!) — воскликнулъ Судья, повалившись отъ ужаса на полъ.

»Что ты это сдѣлалъ, негодяй! — вскричалъ Хапиловъ, бросившись поднимать Судью.

— Развѣ я сдѣлалъ это? — отвѣчалъ насмѣшливо Секретарь. — Вѣдь вы видѣли, что онъ самъ подписалъ!

»Пасвольте мнѣ, пасвольте! — воскликнулъ Судья, проворно вскочивъ на ноги, и бросаясь на колѣна передъ Секретаремъ. — Mein Liebers freund! — произнесъ онъ самымъ жалобнымъ голосомъ. — Пошлай мою жену и моихъ дѣши! Опшай мнѣ этошь прокляшый бумагы!»

— Нѣтъ, завтра! Теперь ты, Нѣмецъ, въ моихъ рукахъ, а отдай тебѣ бумагу, шакъ опять распѣшу-шишься. Опять примешься меня бранишь, что я пошупилъ надъ Огнемъ Протопопомъ

»Општай, раши Богъ, општай! Я не спанешъ никогда бранишь тебя: что хочешь, тѣлай; сочиняй бумагу, какія только умѣешь: я все буду утверждать; пей, сколько твоей душою угодно: я ни скажу ни одинъ слово!»

— Ладно, за эшимъ дѣло не спанешъ—опивѣчалъ Секретарь, выпаскивая изъ стола сулейку.— Ваше здорье, Господинъ Судья!

Дураченко расхохотался, а Хапи-

ловъ, внѣ себя опъ неудовольствіа, вскричавъ: »Боже мой! какой срамъ!«— бросился къ Секретарю, вырвалъ у него прошеніе, и опдалъ Судья.

»Возьмите эту кабалу, которую вы подписали на себя, и ради Бога вспаньте, не срамите своего почтеннаго зваціа!«

—Блахопъшелъ! Опець!—воскликнулъ Судья, бросившись обнимать Хапилова — мой въ вѣкъ не забудетъ вашихъ блаходѣяній . . . А ты, не гошай!—вскричалъ опъ, обратившись къ Секретарю со вспыхнувшимъ лицомъ—я шебъ покажу, какъ сочиняетъ фальшивый бумага. . . .

»Простите великодушно! — вос-

кликнул Секретарь съ притворнымъ страхомъ бросившись, въ свою очередь, Судья въ ноги.

—Мой никогда не простишь!—опивчалъ Судья, пряся въ рукъ надъ головою Секретаря сочиненное имъ прошеніе.—Эту бумагу

Но въ сію минушу Секретарь, порочно вскочивъ на ноги, вырвалъ снова изъ рукъ у него прошеніе и мгновенно перемянивъ понь, сказалъ: »Прощайте, Господинъ Судья! Я сейчасъ иду къ Начальнику.«

—Стой, стой!—воскликнулъ Судья, схвативъ Секретаря за фалду; но сей послѣдній вырвался и ушелъ изъ Суда. Вельдь за нимъ убѣжалъ и Дура-

ченко, уже давно взявшійся за шляпу и только выжидавшій конца, дабы бѣжать съ донесеніемъ.

«О Mein Gott!—говорилъ Судья, упавъ на спуль.—Что я спану теперь шѣласть! Вся мой служба самаранъ! Мой пошелъ пеперь на вѣкъ безъ репутасіонъ . . .»

Вся эта сцена происходила предъ глазами Пропопопа, который смотрѣлъ на нее съ истиннымъ прискорбіемъ, какъ вѣрный сынъ отечества, и наконецъ сказалъ, обращаясь къ Хацилову: «Ахъ, Боже мой! я никогда не думалъ, Евгений Пепровичъ, чтобы въ Судахъ, шоль въ священныхъ мѣстахъ, могли происходить шакія безпорядки!»

— Чшо дѣлашь, Отець Пётръ?
У меня у самага разрывается сердце
на часпи; но не въ моей власии по-
мочь эшому злу.

»Все, Евгеній Пётровичъ, зависить
отъ выбора чиновниковъ; ибо ека-
зано: *Премудрость и мыслъ блага во
вратѣхъ премудрыхъ: смысленнии не
уклоняются отъ закона Господня.*«

— Ваца правда, Отець Пётръ!
Наши установленія всѣ прекрасны;
МОНАРХИНЯ начершала ихъ съ вели-
кою мудроспью; но исполнители
всякой законъ искажаютъ.

»Это прискорбно слышать, не
только видѣшь!«

— А между тѣмъ я обречень цѣ-
лую жизнь быль этому свидѣтелемъ!
Каково мнѣ?

»Привычка, Евгеній Петровичъ,
можець сдѣлать ко всему хладно-
кровнѣе; но каково нашему брашу
подсудимому?»

— Конечно, подсудимому тягосп-
но, Отець Петръ; но увѣрлю васъ:
еще тягоспнѣе смотрѣшь на спра-
данія другихъ, и не имѣшь возможно-
сти помочь. Подавай, сколько хо-
чешь мнѣній, не только ихъ не ува-
жаютъ, но еще гонятъ за нихъ!

»Да, я слышалъ про вашу исто-
рію. Ахъ, Боже мой, можно ли такъ
насмѣхаться надъ правосудіемъ? Вмѣ-

сто того, чтобы искаать истины, за нее еще наказывают! Послѣ этого что такое вашъ Судья?

— Такъ-то употребляютъ во зло— опвѣчалъ Хапиловъ съ сильнымъ негодованіемъ—самое священнѣйшее установленіе! Въ общемъ мнѣніи Уѣздный Судъ есть мѣсто низшее, маловажное; но на дѣлѣ онъ есть важнѣйшее изъ учрежденій! Здѣсь полагается основаніе дѣлу; сюда приходитъ народъ, который часто не имѣетъ и понятія о существованіи Высшихъ мѣстъ, и тушь получаетъ онъ прямое или превращенное мнѣніе о самомъ Правительствѣ. Боже мой! пристрастный или глухой Судья есть истинный врагъ

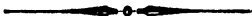
ГОСУДАРЯ и Отечества: ибо никто больше, кроме его, не можешь поколебать самое спокойствіе народа!

»Вы прекрасно судите, Евгений Петровичъ!»

— Можешь быть я и ошибаюсь, но я много полковалъ съ людьми знающими о семъ предметѣ; даже много читалъ книгъ, завезенныхъ сюда покойнымъ Зудою. И самая беседа его была всегда для меня истиннымъ наслажденіемъ. Сколько онъ сообщилъ мнѣ самыхъ здравыхъ и совершенно новыхъ для меня идей!

Сей разговоръ еще долго длился; но, наконецъ, вбѣжавшій въ Присут-

ствіе сторожъ объявилъ Хапилову,
что за нимъ присылалъ Начальникъ
со строгимъ повелѣніемъ: сейчасъ
же къ нему явишься.

XXII.

В и д ѣ н и е.

— Такъ шочно! — говорилъ съ бѣшенствомъ Антонъ Григорьевичъ разговаривавшему съ нимъ Фельдшеру. — Я всегда зналъ этого Хапилова, какъ ослушника, какъ бунтовщика, какъ негодяя! Удивительная дер-

зость! Вѣ Судѣ, вѣ Присупствіи, при зеркалѣ, вырывать изъ рукъ бумагу! . . . Прикажи сейчасъ позвать его.

Фельдшеръ передалъ сіе приказаніе споявшимъ вѣ прихожей козакамъ, и по возвращеніи его Начальникъ спросилъ съ неперпѣніемъ: Ну чѣмъ же все кончилось?

«А пѣмъ, Ваше Высокоблагородіе, что Секретарь успѣлъ таки опяшь выхвасишь прошеніе изъ рукъ Нѣмца.»

—Успѣлъ? Молодецъ! Вотъ служака! Вотъ наспоющій чиповникъ, какими должны бы бытъ всѣ! Дѣяпелень, проворень, безкорыспенъ!

«Особенно, если бы не испивалъ еще»—прибавилъ съ усмѣшкою Фельдшеръ.

—Это пустяки, сунціе пустяки! Знаешь пословицу: *пьянъ да уменъ...* Однако жъ рассказывай скорѣе. Ну чпожъ наконецъ?

»Да окончилось тѣмъ, Ване Высокоблагородіе, чпо вырвавши прошеніе, Секретарь прибѣжалъ со всѣхъ ногъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Дураченкомъ. И эштоъ преданъ Вашему Высокоблагородію какъ не лзя болѣе.»

—Я эшто знаю! Дураченко чиновникъ, право, хорошій, скромный, съ поведеніемъ, прилежный. Чего же болѣе? Говорятъ, что-де шуноватъ;

но, признаюсь тебѣ, я терпѣть не могу эгихъ Сибирскихъ умниковъ. Чортъ ли въ нихъ? Хапиловъ живой примѣръ! Кромѣ непослушанія, непокорности, прошиворѣчій, другой нѣтъ пользы!

»Истинная правда, Ваше Высокоблагородіе!»

—Но почему же они не бѣжали прямо ко мнѣ? Мои двери для хорошихъ чиновниковъ всегда отворены!

»Не посмѣли, Ваше Высокоблагородіе, беспокоить васъ въ обѣденное время. Къ тому же Секретарь былъ въ небольшомъ куражикѣ, такъ оно, изволише знать, какъ-то и неловко къ Начальнику лѣзть, а со мною-то

*

ему церемониться нечего. Вотъ онъ приѣжалъ, да и поразсказалъ всѣ похождения, да и бумагу-то отдалъ, чшобы вручить Вашему Высокоблагородію. Вотъ-съ она!»

— Удивительный ты человекъ! — вскричалъ Начальникъ, вырвавъ изъ рукъ Фельдшера прошеніе. — Въспомни того, чшобы давно подашь, онъ полкуешь околесную. Ну, слава Богу! Я такъ много думалъ, какъ бы забрать совершенно въ свои руки этого безграмотнаго, но упрямаго Нѣмца; ночи не спалъ; и наконецъ придумалъ это превосходное средство. Разсуди же: каково бы было мнѣ перенести, если бы мой планъ вдругъ разрушился?

»Да, вы изволили уже, Ваше Высокоблагородіе, говорить мнѣ объ этомъ, когда еще отдавали эту бумагу, чтобы я передалъ ее Секретарю; только я не понимаю, что вы изволили слишкомъ беспокоиться съ этимъ Нѣмцомъ. Приказали ему, да и все шутъ.»

—Ты судишь, какъ Фельдшеръ, но я долженъ дѣйствовать, какъ Начальникъ. Развѣ ты не видишь, что я окруженъ мошенниками, доносчиками, лѣбдниками, которые готовы обнести и оклеветать меня каждую минушу? Я вижу, что этотъ глупый Баронъ дѣйствуетъ несправедливо, подучаемый взяточникомъ Хапиловымъ; но могу ли я приказатъ ему открыто: такъ рѣши? Боже сохра-

ни! Баронъ имѣешь кой-какія связи въ Иркутскѣ, и на меня написали бы не вѣсть что; но шеперь!

Начальникъ, прикусивъ губы, махнулъ значительной головой.

»Справедливо, Ваше Высокоблагородіе! Теперь онъ съ руками и съ ногами попалъ къ вамъ въ услуженіе.»

— Скажи же ему, что если хочешь оспаться на мѣстѣ: то прекрати бы съ Пропопомъ всякое знакомство и не мѣшался при обратаніи отъ него отвѣтовъ. Если же наче чаянія Пропопъ вздумаетъ опять опцираться отъ своихъ словъ; то Баронъ долженъ приказати составить журналъ, что отвѣты напи-

сань совершенно сходно со словами подсудимаго, и немедленно донесли мнѣ формально объ его дерзости. Все ли вы поняли?

»Все, Ваше Высокоблагородіе!«

—Ну поди же, и что скажешь онъ, иопичась меня извести. Я бы могъ все это сказать ему самъ; но признаюсь: мнѣ скучно слушать его шарбарскій языкъ.

Фельдшеръ вышелъ, а Начальникъ, въ обыкновенію придвинувъ къ себѣ Чети-минейю, и готовясь читать разсуждалъ: »Да, это гораздо лучше! Пусть этотъ бездѣльникъ ведетъ переговоры, чѣмъ мѣшались мнѣ самому: онъ и отвѣчать будетъ, если

это откроется. Славное правило: загребать жаръ чужими руками, и кто его выдумалъ, былъ самый мудрый изъ земнородныхъ! Жаль только, что не всегда оно удается! Хотѣлось было бы мнѣ погрести жарку руками дьячка, да нѣтъ! А было бы весьма хорошо для меня! Онъ бы женился, а я . . . Мы бы знали уже, какъ это дѣло уладить! Тогда всѣ концы бы въ воду; на меня не могло бы быть ни малѣйшаго подозрѣнія, и я былъ бы совершенно спокоенъ но что дѣлать? Съ дуракомъ не справишь. Справедливо говорится: съ дуракомъ Богъ не воленъ!»

Въ сіе время, по предварительному докладу, вошелъ въ кабинетъ Хапиловъ. Начальникъ, вспыхнувъ, какъ

адское зарево, взглянулъ на него такими глазами, въ копорыхъ изображались вдругъ все исповныя спраши: гнѣвъ, злоба и бѣшенство.

»Что вы, сударь, дѣлаете со мною?«
— возопилъ онъ, ударя кулакомъ по столу.

— Я не знаю за собой ни какой вины — отвѣчалъ Хапиловъ съ величайшимъ уваженіемъ.

»Ты не знаешь ни какой вины, а между тѣмъ связываешься съ подсудимыми, дѣйствуешь съ ними за одно, потворствуешь, нарушаешь все установленія, все законы . . . «

— Мнѣ кажется, вы получили обо

мнѣ со всѣмъ неправильныя свѣдѣнія.

»Мнѣ нечего получаешь; у меня нѣтъ наушниковъ! Я самъ знаю, гдѣ чпо дѣлается. Я не сплю; я бодрствую день и ночь для блага ввѣренной мнѣ страны. Я самъ умѣю различать чиновника честнаго, справедливаго, усерднаго ошъ негодяя, взяточника и лѣнивца.«

—Но всѣ эти названія, по сущей справедливости, я не могу принять на свой счетъ.

»Да, ты не можешь; но я скажу тебѣ, чпо ты точно шаковъ и есишь. Кипо тебѣ дасть право учить Пропювопа и вырывать бумаги изъ

рукъ Секретаря? Какъ ты смѣлъ
это дѣлать въ Судѣ, въ мѣсцѣ, столь
важномъ и священномъ?»

— Я сдѣлалъ то, что требовала
моя совѣсть, честь и присяга

»Честь и присяга! — возопилъ На-
чальникъ, выйдя изъ себя. — Повино-
веніе воле Начальства: вопль твоя
честь и присяга! Тебѣ, видно, еще ма-
ло, что ты разгуливалъ по морю! Я не
то еще сдѣлаю. Я домъ твой рас-
кашаю до бревнамъ! Ты не найдешь
для себя мѣста во всей Камчаткѣ!»

— Воля ваша, вы Начальникъ; но
я вамъ скажу рѣшительно: я прися-
галъ въ вѣрности ГОСУДАРЫНѢ, я
не нарушу ея ни за какія блага, ни

спраданія въ мірѣ! Дѣлайте со мной
что хотите!

»Буншовщикъ, крамольникъ! — за-
кричалъ Начальникъ, дрожа, какъ въ
лихорадкѣ отъ чрезвычайнаго дѣй-
ствія гнѣва — я заставляю себя по-
винуваться!»

— Когда же я не повиновался? И
если высказывалъ свои мнѣнія по дѣ-
ламъ: то въ такомъ случаѣ только
пользовался правомъ, даннымъ мнѣ
силою закона.

»Вы вѣчно прикрываетесь зако-
номъ, а на умѣ у васъ только
заговоры и комплоты пропивъ На-
чальства; только противорѣчія, ум-
ничанье и неповиновеніе.»

—Вы заблуждаетесь.

»Какъ? ты смѣешь еще грубить мнѣ? Подиже вонъ, сударь, вонъ! Я вижу, что говоришь съ побой—значишь теряешь слова. Нѣтъ; тушь надо принять другія мѣры!»

—Но прежде, кажется, надобно бы выслушать обвиняемаго.

»Ни слова болѣе! Вонъ, вонъ! Козаки! выведите его ошъ меня!»

Привыкшій съ дѣтства къ глубокому повиновенію Хапиловъ, не смѣя болѣе ничего говорить въ свое оправданіе, опдалъ Начальнику самый почтительный поклонъ и вышелъ изъ кабинета. Сердце его, огорченное оби-

дою и несправедливостію, раздира-
лось на части, и глубокая скорбь
изображалась на блѣдномъ его лицѣ. Въ
сіе время находился въ комнатѣ предъ
кабинетомъ пришаившійся Сумкинъ.
Нѣсколько подслушанныхъ словъ,
шумъ въ кабинетѣ и встревоженное
лице Хапилова, дали ему вѣрное по-
нятіе о происходившемъ. Какъ буд-
то бы съ нѣкоторымъ участіемъ, а
болѣе для удовольстворенія низкому и
злomu удовольствію, онъ подошелъ на
цыпочкахъ къ Хапилову, и съ ужим-
ками сказалъ ему чуть, чуть слыш-
нымъ голосомъ: »Напрасно вы это
дѣлаете! Знаете: воля Начальства!.. «
Хапиловъ не дослушалъ его, и не
удостоилъ ниже взглядомъ. Сумкинъ
посмотрѣлъ вслѣдъ его со злобою
зми, и сдѣлавъ жестъ рукою, сказалъ

про себя: »Воптъ народецъ! Взлъ бы
этакихъ всѣхъ собралъ, да, гм!
Жаль, что не моя воля, а по бы . . .«

— Ба, Сумкинъ! ты пришелъ весьма
кстапи—сказалъ Начальникъ, отво-
ривъ дверь изъ кабинета. — Поди
сюда!

— Я пришелъ доложить Вашему Вы-
сокоблагородію. Не безъизвѣстно вамъ,
что«

— Прежде выслушай меня, а по-
томъ уже говори свое! — перебилъ
Начальникъ, еще несовершенно успо-
коившійся послѣ сцены съ Хапило-
вымъ.

»Винювати, Ваше Высокоблагородіе! Что приказати изволише?»

— Ты слышалъ разговоръ мой съ эшимъ негодяемъ

»Какъ я осмѣлюсь«

— Ну полно, припворствовати: я знаю тебя. Твои уши далеко слышатъ.

»Но только тогда, Ваше Высокоблагородіе, когда естъ на это воля Начальства.«

— Хорошо! я желаю, чтобы ты слышалъ этотъ разговоръ, и слѣдовательно ты уже знаешь: съ какою

дерзостію, съ какою обидою къ моему лицу, опивчалъ эпошъ крамольникъ.

«Волосы дыбомъ спали у меня, Ваше Высокоблагородіе, не повѣрише? Какъ можно бытъ споль дерзкимъ, споль непокорнымъ!»

— Ты видишь: пущь слова уже не дѣйствують. Я Начальникъ, и слѣдовательно долженъ предупреждать всякое безпокойство, а чего ждашь, если такъ будешь презирать власшь? Вотъ чпо заспавляешъ меня присупишь къ мѣрамъ спрогимъ. Я тебѣ зналъ, Сумкинъ, всегда человекъ усерднымъ, кромѣ только одного случая . . . помнишь въ Декабрь?

»Что дѣлашь, Ваше Высокоблагородіе! Тогда прошпразился не много. Впередъ никакъ не буду! *Не помяните грѣховъ . . .*»

— Я и не поминаю ихъ: ты уже ихъ со сторницею вознаградилъ при слѣдствіи; пошому-то я и хотѣлъ бы поручить тебѣ . . .

»Все радъ исполнить, Ваше Высокоблагородіе!»

— Тебѣ безъ сомнѣнія извѣстно, что дѣло о Тенявѣ пріоспановлено. Ябѣдники перемогли меня; но я еще слажу съ ними! Я не могу выразить тебѣ, какъ я радъ назначенію Ревизора: ибо по пріѣздѣ его, я увѣренъ, правда восторжествуетъ во всемъ

блескъ. Между тѣмъ не лѣзя же, однако жъ, послаблять ослушникамъ и буншовщикамъ: такъ я хочу поручить тебѣ . . . (Тутъ Начальникъ остано­вился, и, примѣтно, обдумывалъ преднамѣреваемый приказъ) . . . Вотъ что, братаецъ! Я сказалъ уже тебѣ, что дѣло Тенявы опложено; поэтому Уѣздный Судъ долженъ скоро отпра­виться обратно въ Нижне-Камчатскъ . . . (При семъ словъ Начальникъ снова замолчалъ) . . . Ну, словомъ, вотъ что: когда поѣдешь Хапиловъ: то развѣ не могутъ на­пасъ на него разбойники? . . . Не лѣзя же мнѣ имѣть повсюду глаза: я не Богъ! Мало ли что можетъ дѣ­латься въ этакой обширной странѣ! Могутъ убивать, грабить. . . Конечно, жаль чело­вѣка честнаго, доб-

раго, но ослушниковъ, непокорныхъ, эту заразу обществу, право, весьма полезно испребляшь, какъ говоришься, мечемъ и огнемъ Ты по́нялъ меня?

»Кажешся, понялъ, Ваше Высокоблагородіе! То естъ: вы изволите . . .

— Терпѣшь я не мѡду эшихъ поестъ, и ничего не изволю, кромѣ одного вашего спокойствія и благоденствія Камчатки. Если ты не расперялъ послѣдняго ума въ Кууюхченѣ; то, кажешся, можешь понять, что Хапиловъ и Ревизоръ

»Нечего сказать, Ваше Высокоблагородіе! Велика ваша забота о насъ грѣшныхъ, и Богъ убилъ бы насъ

громомъ, кабы мы не спарались исполнять вашихъ опечёскихъ повелѣній»

— Ну, хорошо, исполняй ихъ съ усердіемъ, какимъ ты всегда отличался къ пользѣ службы: оно не будетъ забыто. Но что же ты хотѣлъ мнѣ сказать, когда пришелъ?

»Да вошь что, Ваше Высокоблагородіе! Я пришелъ было вамъ доложить о здоровьѣ Петра Федоровича. Вѣдь, вамъ извѣстно, что я съ нимъ квартирую вмѣстѣ; такъ насмотрѣлся такихъ ужасовъ, что Господи упаси!»

— Что же такое?

»Спрашно и пересказывать, Ваше Высокоблагородіе! Припомъ не худо бы его положить въ особую какую нибудь каморочку, а то . . .»

— Да говори, брашець! Чшо ша-
кое?

»Такіе казусы рассказываетъ, Ваше Высокоблагородіе, и все съ Вашимъ именованиемъ!»

— И ты давно не придешь ска-
зашь мнѣ объ эпомъ? О вы, негодные!
Всѣ вы на одинъ покрой! Поди къ
нему, глупецъ, бѣги бѣгомъ, зажди
ему ромъ, и не пускай къ нему ви
одной души. Я сейчасъ приду самъ.

Погремушкинъ, кошораго душа силь-

но была потрясена проповѣдію Зуды во время Камчадальскаго бунта, съ тѣхъ поръ все задумывался болѣе и болѣе, и наконецъ, услышавъ подробности страшнѣйшей исторіи, случившейся на водахъ, и вѣрную вѣсть о назначеніи Ревизора, совершенно помѣшался, и приходилъ время отъ времени въ ужасное бѣшенство. Въ припадкахъ сумасшествія, воображалъ присутствіе Начальника, изступленный укорялъ его самыми страшными словами въ разныхъ злодѣяніяхъ, въ которыхъ онъ былъ вовлеченъ имъ; бросался на него съ величайшею яростію, и бился самъ до крови, такъ что, наконецъ, должно было связать ему руки и ноги; между тѣмъ ничего не пилъ, не ѣлъ

и высохъ, какъ скелетъ, у котораго
ощалялись только спрашные, муп-
ные, почти совершенно выкатившіе-
ся глаза и ужасный, нестерпимый
скрежеть зубовъ.

Въ семь положеній заспалъ его На-
чальникъ. Едва показался сей послед-
ній, какъ спрашное бѣшенство о-
владѣло помѣшаннымъ. Онъ запряся
всѣмъ шѣломъ, и, съ пѣною во рту,
заскрежешалъ зубами. »Злодѣй! — за-
кричалъ онъ такимъ голосомъ, ошъ
котораго спали дыбомъ волосы у
Начальника — Злодѣй! за чѣмъ ты
пришелъ? Губишель! за чѣмъ ты
пришелъ? Извергъ! за чѣмъ ты при-
шелъ? Я тебя распончу, расперзаю,
раздери адское сердце нвое«

— Пепиръ Федоровичъ! — сказалъ Начальникъ, подойдя къ его постели — ты не узналъ меня

»Я? Тебя не узналъ, злодѣй? Тебя не узналъ, убійца? Я не узналъ тебя? Нѣтъ, кровопійца! я знаю тебя, знаю слишкомъ хорошо! Ты погубилъ мою душу и плѣло; ты ввелъ меня въ свои Богомерзкія дѣла; ты научилъ меня лгать, припворснвовашь, лицемѣрншь; ты очернилъ мою совѣсть; ты предалъ меня адскому огню Видишь ли эти билліоны духовъ? Видишь ли, какъ они жаждутъ моей души? . . . О злодѣй! ты опдалъ меня въ ихъ руки! Ты научилъ меня презирать Вѣру и законы; ты далъ мнѣ адской примѣръ смѣяться надъ всѣмъ священнымъ;

ты научилъ меня злодѣйствовать.....

Я къ тебѣ вступилъ невиннымъ юношею, а теперь что я? Грѣшникъ, лицемеръ, святоша, убійца!.....

О горе мнѣ!.... Видишь ли, сколько страшныхъ тѣнѣй собралось вокругъ моей постели! Вотъ кунецъ Пивоваровъ, котораго мы обвинили, раззорили и заморили въ пюръмѣ! Вотъ....»

Начальникъ задрожалъ при семъ перечисленіи, и схвативъ подушку, бросилъ ее на изступленнаго, и сѣлъ на нее, кидая вокругъ страшные взоры, выражавшіе и рѣшительность злодѣя и опасеніе душегубца. Больной спрашно забился, но не могъ сбросить гнѣющей его тяжести. Нѣсколько минутъ продолжались су-

дорожные припадки; наконецъ уми-
рающій въ послѣдній разъ вскинулъ
ногами и пропнулся. Больше призна-
ковъ жизни не было. Любопытно
бы взглянуть въ сію минушу во-
внутрь души жестокаго убійцы. Что
тамъ происходило? Говорить, въ
ней была адская тьма съ неопредѣ-
ленными, безобразными видѣніями
тѣней. Душегубецъ самъ былъ въ
сіе время почти въ изступленіи, и
съ ужасомъ увидѣлъ въявь грозную
тѣнь оправленной имъ супруги, ко-
торая, бросивъ на него взоръ пора-
жающій, какъ молнія, казалось, глухо
прошептала: »Несчастный! вспомни о
душѣ!« Онъ не могъ перенести сего
видѣнія, и съ шрепетомъ выбѣжалъ
изъ кабинета.

Воздухъ и великолѣпные виды природы освѣжили его воображеніе. Была уже ночь—ночь теплая, ясная, свѣжая. Чистое темноглубое небо было усыяно звѣздами. Море спокойно и безмолвно дремало въ своихъ берегахъ. Горы и лѣса, рисовавшіеся на западѣ по опливу, попухавшей зари, также погружались въ тишину и сонъ. Все въ природѣ было такъ мирно, такъ тихо, такъ величественно и прекрасно—и посреди этого превосходнаго созданія шло существо, которое было сотворено для его украшенія, и которое сдѣлалось его безобразіемъ и гибелію!

По приходѣ домой, Начальникъ заспалъ у себя Фельдшера, возвра-

пившагося отъ Судьи.

—Ну, что твой Буперъ? — спросилъ онъ Фельдшера довольно спокойнымъ голосомъ.

»Да что, Ваше Высокоблагородіе, такъ перепрусился, что даже смѣшно и жалко сморяться! Только и швердишь: «мой все сдѣлаешь для Нашальникъ, лишь бы его не погубить.»

—Ну, хорошо! Я и ждалъ этого. Вотъ какъ дѣлается на свѣтѣ: всегда вмѣстѣ бываетъ и радость и горе. Ты принеси мнѣ добрыя вѣсни, а я скажу тебѣ худыя: нашъ Петръ Федоровичъ скончался.

»Что вы говорите? Ну, дай Богъ царство небесное! Впрочемъ, если молвишь правду мамку, то какъ не скажешь: *жила бабушка не мѣшала, а умерла не жаль*. Погремущкинъ, Ваше Высокоблагородіе, былъ себѣ на умъ!»

— Да, онъ былъ человекъ весьма умный и честный.

»Ну, что касается до честности, такъ это еще подь сомнѣніемъ.»

— Полно шутить, Алексѣй — сказалъ Начальникъ, какъ бы не примѣчая продолжающагося дерзкаго тона со стороны Фельдшера; — шеперь не то время. Вообрази, какія скранныя вещи совершаются со мною!

Сидя у посѣли Погремушкина, я дожидался его конца. Между тѣмъ смерклося; въ комнату спало довольно темно. Я задумался, и вдругъ слышу шорохъ. Я взглянулъ, и предсавъ мое изумленіе . . . Но Боже мой, опять она!

»Кню, кпо, Ваше Высокоблагородіе?«—вскричалъ суевѣрный и пренещущій Фельдшеръ.

— Развѣ не видишь ты?—сказалъ шопомомъ Начальникъ, уставивъ въ уголъ устрашенные взоры, и схвативъ Фельдшера за плеча. — Это она ! . . . Жена моя!

»Я ничего не вижу, Ваше Высокоблагородіе«—говорилъ Фельдшеръ

поблѣвъ, какъ полошно и дрожа,
какъ лиспъ.

— Слышишь? Опять пѣже слова:
убійца! вспомни о душѣ!

»Вотъ вамъ Хришпсъ, Ваше Вы-
сокоблагородіе, хопъ мнѣ сейчасъ
провалишьскъ сквозъ землю: ничего
ме вижу.»

— Она опять скрылась! — сказала
пихо Начальникъ по нѣкоторомъ
молчаніи, начиналъ свободнѣе пере-
водишь духъ.

»Ваше Высокоблагородіе, осмѣли-
ваюсь вамъ доложитъ: не прика-
жете ли опслужитъ панихиду?»

Начальникъ не говорилъ ни слова, погруженный въ глубокое размышленіе. Но когда Фельдшеръ повторилъ свое предложеніе, онъ, вслушавшись въ рѣчь его, захохоталъ.

»Панихиду? Ха, ха, ха! Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мершвецы могутъ восставать изъ гробовъ и приходишь беспокоить живыхъ своимъ явленіемъ? Вздоръ, брашець! Это только призракъ, обманъ, мечта разсироеннаго воображенія, и наша робость весьма стойтъ того, чтобы надъ нею смѣяться въ веселый часъ. Ха, ха, ха!»

— Воля ваша, Ваше Высокоблагородіе — сказалъ Фельдшеръ съ большею робостію и запинкою — я радъ

бы смѣяться вмѣстѣ съ вами, да не могу; мнѣ все думается

»Что тебѣ думается?« — спросилъ Начальникъ такимъ голосомъ, которъй означалъ, что вопрекъ сдѣланъ безъ всякаго участія души, копорая, судя по выраженію глазъ, неподвижно усипремленныхъ на одну точку, была уже сильно занята совсѣмъ другимъ предметомъ.

— Мнѣ думается — продолжалъ между тѣмъ Фельдшеръ — что чуть ли это въ самомъ дѣлѣ не тѣнь Ольги Павловны: такъ ваша обязанность, Ваше Высѣкоблагородіе, какъ вы ни говорите, сослужить по ней панихиду. Вѣдь я, хотя и грѣшный человекъ, да исполнялъ только вашу волю: вы приказали мнѣ научить

Карлулиху, чпобы она отправила ес; вы велѣли взвалить эту вину на внучку Протопопа; на все это была ваша воля . . .

»Что ты говоришь, мошенникъ? — вскричалъ Начальникъ, выйдя изъ задумчивости. — На что была моя воля?»

»Да вѣдь вы, Ваше Высокоблагородіе, изволили . . .»

— Молчашь! Клянусь адомъ, если ты скажешь еще хопя одно слово: но я прикажу тебя скованъ, и заморить въ пюръмъ, какъ убійцу. . . . Но эта ненавистная шѣнь опять!

Начальникъ не могъ докончить рѣчи. Зубы заспучали у него другъ

о друга, и задрожали руки и ноги. Между шѣмъ какъ Фельдшеръ, у котораго воображеніе было разстроено не менѣе, какъ и у его наславника въ злодѣяніяхъ, вскричалъ съ ужасомъ: »Вижу, вижу!« — и повалился на полъ.

»Глупая и спранныя мечта!—сказалъ Начальникъ, непреставая владѣть съ собою. — Встань, Алексѣй! Я слишкомъ погорячился: теперь вамъ надобно дѣйствовать . . . «

— Дѣйствуйте, какъ хотите—опычалъ Фельдшеръ, блѣдный и трепещущій, вставая съ пола; — но я бо- лѣе не слуга вамъ!

»Что же хочешь ты сдѣлать, сумасшедшій?«

— Я долженъ умереть. —

»Ты? Умереть? «

— Да, умереть, потому что теперь только вижу, что я сдѣлалъ то, что стоить смерти.

»Безумный, ты губишь себя напрасно!«

— Все равно!

»Остановись! — вскричалъ Начальникъ, схвативъ его въ изступленіи за грудь, и какъ бы спрассась, что еще думаетъ упасть на его совѣтъ. — Остановись! . . . Козаки! подице сюда! Возьмице его и не выпускайте ни куда изъ дома: онъ по-мѣшался!«

—Пустите меня!—кричалъ Фельдшеръ, вырываясь у нихъ изъ рукъ.— О силы небесныя! сойдите ко мнѣ на помощь!

»Опведите его — повпорилъ Начальникъ—и не выпускайте ни куда изъ дома. Вы будете отвѣчать за его жизнь.«

Козаки, не смотря на всѣ усилія помѣшавшагося, схватили его и увели, а Начальникъ, запершись въ кабинетѣ, долго сидѣлъ въ ужасной думѣ, и, наконецъ, вскочивъ на ноги, произнесъ съ нѣкоторымъ изступленіемъ: »Чортъ забери! Что дѣлается вокругъ меня! Все падаетъ и рушится, и я одинъ остаюсь посреди облом-

вѣдьма осталась изъ всей моей свиты! . . . Все къ лучшему: опть одной опидѣлаться не долго; только прежде удалось бы докончить, съ помощію ея, мои планы съ этою дѣвчонкою . . . О мученіе! . . . Опяпть эпа несносная шѣнь! . . . Опяпть шѣ же слова!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	<i>Стр.</i>
XV. Прощаніе	3
XVI. Начальница	26
XVII. Слѣдствіе	53
XVIII. Преслѣдованіе	88
XIX. Объясненіе злодѣевъ	133
XX. Раскаяніе	169
XXI. Судья въ хлопошахъ	201
XXII. Видѣніе	222

THE NEW
PUBLIC

ASSTANT
TILLER
R

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

ВЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

<i>Стр.</i>	<i>Стрж.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай.</i>
4	1	сверху времени	время
35	2	снизу пусынные	пусынные
—	—	— лежавшія	лежавшіе
36	3	сверху самого	самое
46	4	снизу все	всѣ
79	6	— страху	страха
93	5	сверху нмь	нмѣ
112	13	— глубину	глубинѣ
127	18	— удалясь	удаляясь
148	11	— бы	бышь
164	2	— и дурачимся,	а дурачимся,
—	—	— ребята;	ребята;
216	2	снизу шакія	такіе
250	6	сверху было бы	было

THE
PUBLIC
ASTORIA
ILLINOIS
K

